
КИРА ВОЛКОВА
ПОКАЯНИЕ. СМИРЕНИЕ. ПРОЩЕНИЕ.
ГОРОД ИВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кира Волкова
Город Ив

https://litres.ru/74727873
SelfPub; 2026

Аннотация

Время здесь стоит, тела догнивают свой век, а воспоминания о прошлом исчезли. Но она не собирается покидать это мрачное место по доброй воле, потому что впереди может быть ещё страшнее...

Кира Волкова
Город Ив

Глава 1

Город проклятых, город мёртвых, город за гранью. Люди как всегда спешили по своим делам. Работа, дом, заботы. И только я видела, что они покрыты белой, тягучей паутиной, обволакивающей лица, тела, руки, обтягивая их словно саван. И эти ивы повсюду. Плачущие, сгорбленные, обмотанные всё той же паутиной. Она сдавливала их так сильно, что на землю у подножья ствола капали бурые, склизкие слёзы. Зловещее место, где тётя Таня, большая, грузная женщина, улыбалась сквозь белеющую пелену на лице, натягивая нити почти до разрыва. А потом дядя Паша, худой, жилистый мужичок, медленно и скрипуче желал хорошего дня. Все здесь одеты в серые одежды, женщины – в бесформенные платья, а мужчины – в безликие брюки и рубашки. Как заключённые или рабочие грязных фабрик. Потрёпанные, запылённые, одинаковые. И тяжёлые-тяжёлые ботинки на тракторной подошве. В них идёшь, будто в кандалах, таща свою неподъёмную ношу.

Я напяливала ужасное платье, натягивала обувь, туго шнуруя, и шла на работу. Это повторялось изо дня в день, будто хорошая традиция, но она плохая. Здесь всё гнилое, ветхое и давно уже должно обратиться в прах, но каждое утро оно воскресало вновь. Старые каменные дома с мокрыми разводами от бесконечного дождя, по которым бежа-

ла плесень. Ржавые крыши, вечно скрипящие под натиском холодного ветра. Покошенные ставни, трясущиеся то ли от его резких порывов, то ли от страха. Мутные оконные стекла, испещрённые трещинами и сколами, как лёд по весне. Но весны здесь не бывает, только хмурая, бесконечная осень.

Работала я на площади в книжной лавке, где все шкафы тоже были затянуты вездесущей паутиной. Чтобы достать нужную книгу, приходилось долго разрывать белые нити пальцами, добывая столь желанный артефакт. На их страницах всё очень радужно и всегда заканчивалось хорошо, а тут – серо и угнетающе. Только чтение сказок помогало мне переживать день за днём. Лавка не моя, но хозяин ни разу не приходил забрать прибыль. Складывала её в большую жестяную коробку и прятала за шкаф в мягкий клок паутины. Да почти никто и не заходил сюда, поэтому я сидела целыми днями одна.

Очнулась однажды по дороге в лавку, будто кто-то включил свет в моей голове. Нажал на тумблер, и я начала мыслить. Тяжело, со скрипом, едва шевеля мозгами, приходила потихонечку в себя. Осознавала, принимала, пыталась понять, где я. Моя фамилия Пустова, и больше ничего не знала. Были ли у меня родители, сёстры или братья? Просто я каждый день ходила на работу и читала сказки. И кажется, что я здесь навсегда. Но я не хочу здесь быть!

Вечером направлялась домой через весь город, где жила одна на отшибе. Шла, шаркая массивными ботинками, по

угнетённым улицам, протискивалась меж серых домов с уже закрытыми ставнями, что бились и плакали человеческим голосом. Вода из ледяных луж заливалась в ботинки. Вечный дождь, холод и тоска. Но самое ужасное начиналось, когда на мрачный город удушливым, плотным одеялом ложилась тьма. И до её наступления непременно нужно было добраться до дома, и я каждый день со всех ног спешила туда.

Проходила мимо постового, он единственный, кто не торопился в укрытие, а стойко ожидал на улице. Никто больше не решался оставаться снаружи в столь позднее время. Его фамилия Багров – вот и всё, что мне известно. Ни имени, ни отчества, ни того, как он переживал эти ночи. Кстати, страж не затянут паутиной, как все остальные, и я даже могла разглядеть его глаза, но в сумерках никогда не различала их цвета. Наверное, серые, как и всё вокруг. Страж высок, крепко сложен и отрешённо смотрит в никуда. На нём бессменный кожаный плащ до колена. От вечных дождей ворот поднят, но Багров не прячется, не ёжится, а терпеливо принимает. И мокрые, коротко подстриженные волосы, немного спадающие на лоб. С ума можно сойти, так стоять на посту днями напролёт под этой чёртовой, идущей с неба, водой.

Постовой всегда желал мне спокойной ночи. Весьма мило с его стороны. Низкий, чуть с хрипотцой, голос успокаивал. Я бы хотела завести с ним разговор, но не решалась. Просто отвечала: «Спасибо. И вам». Ведь ничего кроме «спокойной ночи» у меня и нет. Но сначала надо добраться до дома, за-

переться, как следует, закрыть ставни и лечь на койку. Главное – уснуть, а это совсем не просто. Тьма забивалась в окна, двери, замочные скважины, дымоходы. Она словно дышала, там за стенами, заставляя их дрожать от ужаса. Но потом приходил он – Морфей. Мне снились красочные сказки, которые я читала в лавке днём. И только во сне я была по-настоящему счастлива, но снова наступал день, и всё начиналось сначала...

Я ходила на работу, встречала людей в паутине, которые, как и прежде приветствовали меня, желали доброго утра и спокойной ночи. В ответ лишь натягивала улыбку на лице и отвечала: «И вам», «И вам», «Ивам», «ивам». Проклятый город Ив. Интересно, я тоже замотана в эту белую дрянь? Не чувствовала, чтобы она забивалась мне в рот и глаза, но другие тоже её не замечали. Я не могла увидеть себя: все зеркала в городе и поверхности, которые раньше отражали, стали мутными. И лишь за городом в реке, сплошь поросшей плакучими ивами, можно было увидеть свой облик. Но туда никто не решался пойти, и все продолжали жить в неведении, не желая знать. Но это говорили мне не люди на улице. Это шептали голоса перед сном, которые пытались не дать мне уснуть, чтобы вновь смотреть мои сказки. Они забирались в щели, зарывались под одеяло и лезли прямо в уши: «Иди к реке, иди к реке, иди...» Не иначе я просто городская сумасшедшая или… Что тогда случилось с этим городом, что случилось с нами?

Очередным тоскливым утром остановилась и долго смотрела на тётю Таню. Муха запуталась в паутине на её лице, возле носа, и монотонно и противно жужжала.

– Здравствуйте, хорошего дня, – добродушно улыбаясь, проговорила она.

– И вам.

Её не беспокоило скисшее молоко, гнилые фрукты и плесневые булки на столике перед домом. Она будто не замечала этого, бережно раскладывая их для продажи.

Я пыталась заговорить с ней и дядей Пашей, пока они не исчезли. А люди здесь пропадали каждый день. Новые приходили, старые уходили. Город Ив был переходным пунктом, и никто тут не задерживался. Все хотели покинуть это место как можно скорее. Все, кроме меня. По крайней мере, мне так казалось. Дядя Паша и тётя Таня были здесь дольше всех. Когда я пыталась продолжить утренний разговор, они просто молчали, занимаясь своими делами. Да и меня особо не разжигало любопытство. Мне тоже было словно всё равно. Мы, как куклы, головы которых забиты ватой, делали фантомные дела, что-то имитировали, как будто обычная жизнь продолжалась.

Глава 2

Я думала, что застряла среди одинаковых фрагментов времени, запуталась в них, как в паутине. Но, кажется, час настал. Стук в дверь становился всё громче. Настойчиво долбился в моей голове, стучал пульсом в висках. Кто это может быть? Это они? Они хотят забрать меня? Моё время пришло? В мутное запотевшее стекло ни черта не видно. Лишь тёмный, неясный силуэт. Дрожь хватала за кишки и выворачивала их наизнанку. Стук не прекращался. Почему бы и нет – раз пришло время! Рука потянулась к ручке. Щелчок и ещё, и ещё. Дверь медленно со скрипом открылась, и...

За ней, низко опустив голову так, что не было видно лица, стоял человек в кожаном плаще. Я напряженно всматривалась и не понимала, что будет дальше. Он стал поднимать голову и упёрся в меня пустым взглядом.

– Багров? Зачем ты здесь? Как же ты меня напугал! Ведь нельзя…

– Мне можно. Пустишь? Дверь надо закрыть изнутри, иначе произойдёт...

– Пусть происходит. Не хочу больше прятаться! Не могу больше! Устала, – слезинка покатилась из глаза, делая меня слабой и глупой, – Проходи. Правда, у меня не прибрано. Не ждала гостей. Никого не ждала. Только конвойных.

Я поправила серое дурацкое платье. Сколько себя здесь

помню – оно было со мной, и ботинки на шнуровке. Больше ничего. Очень холодно. Всегда холодно. Мой дом одинок и пуст. Одна только комната, словно келья. Койка, стол, стул, куда я вешала одежду и под него ставила обувь. Хорошо хоть на кровати застелено старое покрывало. Я на нём и спала, и накрывалась, когда особенно зябко, и платья не снимала, только обувь.

– А не боишься, что я и есть конвойный? – как-то угрожающе спросил Багров.

– Мне уже плевать. Уже всё равно. Пора – значит, пора. Заберёшь?

– Я не за этим пришёл. Только у входа посижу, а утром уйду. Не буду тебе мешать.

Страж втянул ноздрями.

– Это книга? – даже не поворачиваясь в сторону стола, на котором она лежала, спросил он.

– А что, нельзя было её брать? Я завтра отнесу назад.

– Почему? Можно. А что за книга?

Он стоял достаточно близко, чтобы при лунном свете прочесть название. Дурная была идея брать её из лавки. Читать при таком освещении трудновато, но можно. Я смущённо опустила глаза и тихо ответила:

– Сказка. «Спящая красавица».

Багров едва улыбнулся:

– Ну, так спи.

Он был очень странным. Присмотрелась вблизи: вроде и

молодое лицо, но с отпечатком зрелости. Глаза мутные, будто пауки выплели роговицу. Широкие скулы и губы, как из камня. Они разверзлись, издавая низкий звук:

– Так можно остаться?

– Да. Уж лучше, чем одной в этом холодном забытьи, – я сама не ожидала, что вот так запросто соглашусь.

Когда он стоял на посту – вызывал доверие и даже чувство защищенности. А сейчас не знала, как его воспринимать. Бояться или нет? Но я уже разрешила, не выгонять же теперь. Любое присутствие в этом мрачном городе грело. Багров взял стул и поставил у входа. Снял кожаный плащ и повесил на спинку. На нём была серая невзрачная рубашка, застёгнутая до самого верха, и неприглядные чёрные брюки. Он сел и отрешённо уставился в стенку.

– Я не причиню тебе вреда, можешь ложиться спать.

Это очень неправильно – лечь спать при нём. Но каждый вечер, пронизанный одиночеством, страхом и безысходностью, вопил обратное. И я легла, не снимая платья, накинула покрывало с головой. Потом всё же стянула его и посмотрела на стража. Он даже не поворачивался в мою сторону. Веки слипались, спокойствие окутывало негой, затягивало дремотой, и я уснула.

Заснула, как младенец: блаженно и сладко, чувствуя себя полностью защищённой. Багров и вправду просидел у двери всю ночь, а на утро начал собираться.

– Закройся, пожалуйста, чтобы не было холодно и страш-

но. И поспи ещё немного, – тихо сказал он, выходя.

Я села на кровати, сонно зевая. Давненько так глубоко и бесстрашно не спала, невзирая на все мои сказки. Багров замер, будто хотел что-то сказать, но не решался. Помялся в дверях и уже почти вышел. Резко остановился и повернулся ко мне:

– Я не должен быть здесь, но увидел в тебе остатки разума. Хочу, чтобы ты знала. Это чистилище. Вы те, кто застрял тут, пока качаются чаши весов. Я здесь навсегда. Мои чаши остановились ровно посередине. Я ничего не вижу, как старый сторожевой пёс, чувствую только запахи. Слежу за этим городом, чтобы люди исправно приходили и уходили. Не замечала, что многих уже нет? Может, думала, что просто не встречаешь их. Нет, они покинули город. Ты тоже покинешь.

Я даже оторопела от неожиданности:

– Выходит, ты смотритель, а мы лишь прохожие, неизбежно идущие к своему суду и приговору. Даже не страж – надсмотрщик за осуждёнными?

– Получается так, – отвёл он глаза.

– Подожди, но ведь сюда приводят наши поступки? Что заслужили, то и имеем. Или нет?

– Не всегда. Есть обстоятельства, в жизнь вплетаются чужие судьбы и беды. Много есть того, что ведет сюда. Но, по сути, итог один, да. И здесь невозможно остаться навсегда.

– Но ты же остался. Ведь всегда есть выбор, – как-то неуверенно протянула я.

– Выбора не существует. Это лишь иллюзия, которую дают глупцам, – сухо ответил Багров.

Страж уже размашистыми шагами уходил прочь от моего дома.

Дождь долбил по закрытым ставням, ветер выл зверем. Но меня это больше не угнетало. Он пришёл снова, с ним было как за каменной стеной: спокойно и тихо. Страж принёс свечи, правда, церковные, и зажёг их, поставив в маленький подсвечник. В доме сразу стало уютнее и теплее. Сам сел, как обычно, на стул.

– Что ты делаешь, чем шуршишь так приятно?

– Сейчас? Я косу расплетаю, – растерялась я.

– А у тебя какие волосы?

– Тёмные, длинные.

Он слабо улыбнулся:

– Наверное, красивые?

– Не знаю. Уже не понимаю здесь, что такое красота. Тут всё уродливое и гниющее. Я и себя не вижу. Не представляю, какая сейчас. Возможно, как все.

– И я уродлив?

Я взглянула на него, пробежала по взъерошенным волосам, волевому подбородку и каменным губам, которые так редко трогала едва заметная улыбка. Нос, кажется, ломали: не сильно заметно, но все же видно перебитый хрящ. Остановилась на слепых глазах, немного жутковато, но, в принципе, терпимо. Захотелось прикоснуться к нему. Протянула

руку и тихонечко тронула за плечо. По пальцам пробежал разряд. Он вздрогнул:

– Не делай так больше.

Я одёрнула пальцы, как от огня:

– Прости, я больше не буду.

– Ничего, просто осторожней. Хорошо?

– Да, – и добавила скомкано, – И ты не уродлив. Совсем нет. Выглядишь даже получше многих тут.

Багров вяло улыбнулся:

– Можно я сегодня с краешка прилягу? Я не трону.

– Да, – тихо ответила я.

Причины моих ответов мне были неясны, но с ним лучше, чем без него.

– Ну, и на этом спасибо. Давай ложиться спать. Мне не нужно, но я бы отдохнул.

– Хорошо, – я забилась в дальний угол койки.

– А ты довольно смелая. Дверь мне так бесстрашно вчера открыла.

– Я просто устала в этой бесконечной зелёной тоске. Нет, в серо-чёрной.

– А сейчас не боишься? – он загадочно понизил голос.

– Нет. Страшно, что будет дальше. А здесь уже нет. С тобой.

Багров прилёг на самом краю, как бедный родственник, и медленно заговорил.

– Я знаю всё, что было до, и всё, что происходит здесь.

Но что там дальше, мне неведомо. Моя судьба – остаться на этом рубеже навсегда. Я знаю истории всех, кто находится тут. А ты, ты тоже можешь немного. Ты слышишь зов города. Ты какая-то особенная и пахнешь детскими сказками.

– А имя? Как тебя зовут? Как меня зовут? – меня разрывало.

– Ну и накопила ты вопросов за день, – ухмыльнулся он, – Здесь нет имен, лишь фамилии, скорее клички, как у собак. Имена остались там, за гранью. Здесь безымянная территория.

– А как же тётя Таня или дядя Паша?

– Ну, это же ты придумала. Ты ведь никогда не спрашивала их, просто сама так решила.

Да, я сама их так назвала. Мне нужно было хоть за что-то зацепиться в этом паршивом мире.

– Ты сказал, что я пахну сказками. А чем пахнет тётя Таня?

– Она пахнет пирогами и грязными тряпками, – медленно проговорил Багров, будто вспоминая запах.

– А дядя Паша?

– Столярной мастерской, свежей стружкой и непроходящими от заноз гнойничками на пальцах.

– А расскажи их истории. Ты же сам сказал, что знаешь их все. Или этого нельзя делать?

– Почему же? Нет таких запретов. Истории тёти Тани и дяди Паши до боли похожи. Дядя Паша служил в горячей

точке. Вернулся домой, женился, работал в столярной мастерской. Но вот очень любил закладывать за воротник. И однажды в пьяном угаре он убил свою жену. Проснувшись в ужасе, сам пошёл с повинной. Сожалел о содеянном всю жизнь, потому что роднее жены у него никого не было. И умер в тюрьме, – страж сглотнул слюну.

– А тётя Таня?

Багров стал как-то мягче, разговорился, будто подпустил ближе:

– Тётя Таня зарезала мужа, когда тот кидаться начал. Защищалась. На суде версию с самозащитой рассматривать не стали, дали десять лет. Она тоже раскаивалась, ведь была между ней и мужем когда-то любовь. Но больше жалела о том, как несправедливы суд и жизнь. На свободу она так и не вышла, в тюрьме её убили сокамерницы.

– Грустные истории, – засопела я.

– Здесь все такие.

– Можно я почитаю? Тем более со свечами сподручнее.

Страж хмыкнул:

– Ты книгу так и не отнесла?

– Нет, – виновато протянула я, – Мне чуть-чуть осталось.

– Да читай, – и он замер.

Отблески горящего свечного пламени дрожали на его лице, будто вытесанного неизвестным мастером. Губы были слегка сжаты, немного деформированный нос, слепые глаза закрыты. Он мерно дышал, грудь под рубашкой спокой-

но поднималась и опускалась. Непонятно, спал он или просто отдыхал, но его абсолютное спокойствие передавалось и мне. Как давно я этого не чувствовала. Ой, хотела же почитать. Встала аккуратно, чтобы его не потревожить, и взяла книгу. Села за стол, поближе к догорающим свечам. Умиротворение разливалось по телу, заполняло мысли, пробегало по животу, спине, ногам. Казалось, добиралось до кончиков пальцев. Я смотрела на стража, и не оставалось страха, холода и безысходности. Был только он, я и горящие свечи.

На следующую ночь он пришёл вновь, запер дверь изнутри, закрыл тяжёлые ставни, сел у двери и уставился в пустоту.

– Ты можешь лечь со мной, если хочешь, – заломив пальцы, промямлила я.

Багров улыбнулся сдержанно:

– Хочу. Сейчас обсохну немного.

Я вилась вокруг него, не решаясь подойти. Мне хотелось и поговорить, и потрогать его, может, чем-то помочь. Наконец уселась на кровать и одернула серую юбку.

– Скажи, откуда эти голоса, что я слышу ночами? И ужас, стоящий меж домов, заполняющий улицы и дома? Кто здесь держит всех за горло, не давая принимать решения и совершать поступки?

– Это сам город Ив. Его дух. Он прижал здесь всех своей могучей лапой. Сюда попадают люди с трудной судьбой. Они принесли мрак и страх с собой из прошлой жизни. По-

ломанной, исковерканной, разбитой, наполненной обидами и разочарованием, болью и немного любовью. Решение даётся не просто, поэтому здесь так мрачно, – Багров был серьёзен и строг.

И он говорил чистую правду. Город давил, не давал дышать, душил. Он ощущался в воздухе пугающей силой, которая повергала всех в ужас и не давала воле собраться в кулак. Размазывал тебя по грязным улицам, по серым стенам, делая безмолвной тенью. Тех, кто не сопротивлялся, кто молчалив, безлик и безропотно принимал свою участь, он не трогал. Город-судья, город-палач, город, решающий за тебя. Он как ещё одна камера смертника после камеры смертника. Ожидание убивало ещё раз, пугало, растаптывало и подавляло. Скоро чаши качнутся в последний раз и приговор будет оглашён. Страх всеобъемлющий, всепожирающий заставлял тебя, поджав хвост, ожидать.

А страж здесь был словно слепой сторожевой пёс. Встречал и провожал обречённых или оправданных. Всем рад, вилял хвостом, но так выдрессирован, что не покинет пост. Единственная правда, которую он знал, что нельзя привязываться ни к кому. Все уйдут, а Багров останется в этом городе навсегда. Почему же он так проникся ко мне? А может, я такая не единственная? Почему я так доверилась, сама привязалась, цеплялась за него? Надеясь, что можно сломать правила этого мира, сломать неизменное и непоколебимое.

Его лицо стало напряжённым.

– Знаешь, я рос в неполной семье. Мама после того, как отец ушёл, сошлась с другим. Этот урод издевался над ней, и мне доставалось.

Хотелось рвануться к нему, пожалеть, но я как сидела, так и осталась на кровати. Не решилась. Он ведь сказал – не надо. Багров продолжал:

– Мне было пятнадцать, я не выдержал. Зарезал отчима пьяного ночью. Меня посадили в колонию, мама ни разу не пришла ко мне. Лишь однажды написала письмо: «Мог бы и потерпеть, ведь я любила его».

Я молчала. Не знала, что сказать.

– А хочешь узнать свою историю? Ты не помнишь, верно?

– Нет, не помню. Расскажи, – прошептала я.

– Ты была не самым хорошим ребёнком. Постоянно бунтовала. Убегала из дома. Довела отца до инфаркта, как считала твоя мама. Твои весы с самого детства перевешивали в сторону тьмы. Да ты и любила темноту. Считала её самым честным временем суток. От родителей ты съехала. И в бушующем мире нашла лишь друга-наркомана. Но спасти заблудшую душу не всегда возможно. Твой последний светлый порыв был поехать поговорить с матерью. Но та даже разговаривать с тобой не захотела, на порог не пустила. А потом передоз… Твои чаши ещё качаются, мои нет. И я не дам им качнуться не в ту сторону, – Багров смотрел мне прямо в глаза.

И хоть он не видел ничего, но его взгляд проникал прямо

внутрь.

– Не в ту сторону? – переспросила я.

– Не в сторону тьмы, мглы и смрада, поедающих душу. Но до тех самых пор, пока её не разорвет на части.

Багров замолчал. Он был неподвижен, его затуманенный взгляд устремился в никуда. Мужественные черты лица онемели, словно он превратился в каменную статую.

Я не стала его больше спрашивать ни о чём, подошла к кровати, легла и накрылась краем покрывала. Мысли поползли мелкими паучками в голову. Убийца. Отчима убил. Но тот сам урод. Как надо довести пацана, чтоб на такое решился? Не было отвращения или осуждения к Багрову и страха тоже. Он будто хотел созреть где-то внизу живота, но передумал.

Наконец страж заговорил, очнувшись от оцепенения:

– Не хочешь больше, чтоб я с тобой ложился?

– Я сама предложила. От слов своих не отказываюсь. Ложись. Ты же сказал – не тронешь. Я верю.

Багров не проявлял ко мне интереса как к женщине. Может, путь стража – смирение и вечное воздержание. Наверное, так даже лучше и безопаснее для меня. И я бы согласилась остаться здесь навечно. В этом, окутанном туманом, оплетённом паутиной, омытом слезами плакучих ив, городе. Но конец был неизбежен. Чаши медленно качались из стороны в сторону. Чувствовала их движение физически, ощущала тяжесть и холод. И не знала, что будет со мной дальше.

Вот чего я по-настоящему боялась.

Сон пришёл безболезненно, обняв дымкой и приятной слабостью. И вновь я спала без страха и ужаса за стенами. Они исчезли, испарились, перестали лезть в мой дом, под одеяло, под кожу. Я больше не чувствовала их, лишь покой, но одновременно и радужные сны прекратились.

ГЛАВА 3

Следующим вечером Багров впервые не пришёл. За несколько дней я так привыкла к этому тихому спокойствию. Мой дом больше не грел без него, стал пустышкой. Страхи запустили свои клешни, лезли во все щели. Ветер пытался вскрыть мои ставни, они скрипели человеческим стоном. Я места себе не находила, вся измучилась, извелась. И книги не было, я её отнесла, не было свечей, не было его. Ходила туда-сюда, мерила свою келью шагами, выстукивала тяжёлыми ботинками по полу. Ждала. Но ничего. Видимо, я не одна такая. С чего я вообще решила, что нужна ему? На что надеялась? Вот дура! А может, я просто ужасно выгляжу, как и все тут? А почему я должна отличаться от них? Поэтому он не разрешил мне прикасаться к нему. Я просто отвратительна! И вновь в мои уши роем полезли голоса: «Иди к реке, иди». А почему бы и нет? Хоть узнаю, какая я, и насколько ему омерзительно ко мне прикасаться.

Я собрала всю волю в кулак и, ломая свой страх, отправилась за город. Проходя по сумеречным улицам, наткнулась на открытый двор со столом посередине. Словно семья накрыла его перед приходом гостей и внезапно исчезла. Скатерть, вероятно, когда-то белая, превратилась в серый лоскут ткани, и ветер мотал её оборванные, грязные края. На столе стояли тарелки и бокалы, подернутые трещинками и покры-

тые дождевой грязью. На блюдах – остатки еды, куски плоти на костях, кишащие личинками. Гниющие овощи и фрукты, плесневелый сыр и хлеб. В глиняных вазах торчали протухшие стебли цветов. Везде назойливо ползали мухи и черви. Шевеление сливалось в затхлую симфонию покинутому.

Я подошла ближе и положила руки на стол. Кажется, мухи сочли меня частью этого пиршества. Чувствовала, как они ползали по лицу, мерзко жужжали и пытались забраться внутрь. Но я так и стояла с закрытыми глазами и представляла, какой чудесный здесь был праздник. Как женщины в возрасте, непременно в белых летящих платьях, накрывали на стол. А молодые девушки кружились в стремительном танце под красивую музыку. Мужчины в белых летних рубашках и лёгких штанах разливали вино по бокалам. Красное вино, багровое вино. Оно проливалось на стол и растекалось огромными пятнами по белой скатерти. И эти алые розы в вазах, как кровавые пятна на белом столе. Музыка в моей голове затихла, осталось только назойливое жужжание. Чёрт, эти мухи здесь повсюду! И будут здесь всегда, пока не дожрут наши гниющие тела.

Теперь нужно было выйти за город. Я раньше никогда бы не пошла туда, ещё и ночью, но сейчас всё решено. Мне хотелось знать. Невозможно было продолжать жить, как ни в чём не бывало. Крутиться, как белка в колесе одного и того же дня.

Корявые ветви, будто скрюченные пальцы, тянулись ко

мне, пытаясь залезть под плоть. Их скрежет заставлял невольно вздрагивать. Они хотели схватить меня, не пустить, задержать, словно безмолвная охрана реки у подножия города Ив. Чёрный ворон резко гаркнул прямо надо мной, взмахнул крыльями и улетел прочь, запустив цепочку бесконечного карканья и шума вдоль берега. Звук был настолько противный и скрипучий, что я закрыла уши руками. А птицы всё кружили надо мной, преграждая дорогу к реке. Страх был во мне, я состояла из страха, он управлял мной, тащил назад. Голоса в голове разделились на два чётких. Один призывно шептал: «Иди к реке. Узнай, кто ты. Посмотри себе в глаза. Узнай правду». Второй глухо шипел: «Остановись. Вернись, тебе не нужно это видеть. Не ходи». Что это? Внутренние голоса? Моё любопытство и мой страх? Или это кто-то другой? Может, я просто сошла с ума?

Ветки хрустели под ногами, словно маленькие косточки. Небо не такое, как всегда, затянутое чёрной пеленой, оно было усыпано звёздами. Светила низкая круглая луна, как лампочка Ильича. На фоне ночного неба только верхушки старых ив. Весь горизонт между небом и землёй состоял из ив. Страх обволакивал со всех сторон, покрывал липкой грязной жижей. Кажется, сзади кто–то следовал за мной. Резко обернулась – только ивы, ивы, ивы. Они будто шептали: «И вы, и вы, и вы». Шорох листвы под ногами: «и вы, и вы, и вы». Изо рта шёл пар, как холодный дым от сигарет. Страх, холод и я, и я, и я…

Тропинка стала скользкой. Я оступилась и упала, земля не давала встать. Грязь забивалась под ногти, между пальцев. Река близко. Слышала её шум, видела отблески луны на воде. Почти на месте, почти дошла. Подняла голову вверх. Небо, будто разбитое тёмное зеркало, блестело на трещинах созвездиями. Поднялась и спустилась вниз по берегу уже аккуратнее. Над водой стоял плотный белёсый туман. Ноги сами ехали в мягкой почве, вязли в трясине у самой кромки почти по щиколотки.

Стоя на полуразмытом берегу, покрытом серой глиной, я опустила глаза на чёрную гладь реки. Из отражения на меня смотрели опустошённые, ввалившиеся глаза. Лицо обтянуто тонкой кожей, покрытой кровоподтёками, синие безжизненные губы дрожали. «Это не ты, это не ты», – шептали голоса. Они, словно насекомые, облепили меня и пытались оглушить жужжанием. Похожа на живой труп. Значит вот так я теперь выгляжу. Но было что-то страшнее, чем мой внешний вид, по-настоящему пугающее.

Сзади приближались шаги, они становились слышны всё отчетливей. Смрад дышал от реки мне в лицо. Сердце билось всё сильней. А оно у меня было? Почему–то мне казалось, что оно стучало. Или это пульсировало в барабанных перепонках? Меня охватила паника. Я уже не живая. Самое страшное уже случилось! Или нет? Звук усиливался, я чувствовала спиной движение, повернула голову и ...

– Ты?! Ты так напугал меня.

Это был Багров.

– Я просто пошёл за тобой. Сюда нельзя! Ты знаешь?

– Но ты не остановил меня? Почему?

– Я, наверное, хотел, чтобы ты увидела. Я не вижу, а ты увидела.

– Ты бы мог хоть сказать, что идёшь за мной. Мне было так страшно, – сбивающимся голосом прошептала я.

– Страх он в тебе, в голове, в дрожи в ногах, в спазмах внизу живота. Тебе нечего уже бояться. Всё кончено.

– Постой или это ты? Ты и забираешь...

Слова оборвал порыв холодного ветра. И внезапно стало тихо, мёртво и жутко. Он ничего не ответил.

ГЛАВА 4

Огромная луна висела над зубьями леса. Круглая и манящая, озаряя тёмные ряды ив, наросших вдоль берега. Они склоняли длинные ветви до самой воды, окуная в неё свои слезы. Только здесь не было серых луж под ивами, их смывало течением. Как женщина, убитая горем, смывает их над раковиной в ванной. Лишь бы никто не видел, лишь бы самой не видеть. Луна освещала сгорбленные деревья, а вода уносила боль. Здесь можно было разглядеть себя истинную, но я больше не смотрела в эти чёрные воды, мне хватило той ночи. После неё я узнала секрет, который всегда знала, просто боялась признаться себе. Ведь я всё видела, и я такая же, как тётя Таня и дядя Паша, как все здесь. Я попросила Багрова прогуляться к реке. Днём он не мог покидать пост, и у нас была лишь ночь. Это место обладало пугающим, манящим шармом, который притягивал меня как магнит. А сегодня полная луна заливала его ужасающей красотой. Мы шли, не спеша, вдоль берега, хотя было видно, что ему тяжело плестись рядом, как улитка. Прикасаться к нему я так и решалась, и в последний раз он очень напугал меня. Но было уже плевать. Если Багров и забирает, то делает это очень деликатно. Подарить мне такие спокойные ночи перед уходом – это благородно. Кроме вчерашней. Зачем он хотел, чтобы я увидела себя? Чтоб поняла, что я ужасна? Но в противовес

этим мыслям, что лезли в голову мерзкими червями и копошились там, были и другие. С ним рядом хорошо. Очень.

– А что тот стол, мимо которого я проходила, когда шла к реке? Что там случилось?

– Был весёлый праздник, как и всегда в их дружной большой семье. Но этот день стал самым страшным в её истории. Отец семейства случайно узнал, что сын не от него. Разгневанный, он схватил нож и убил жену, с которой прожил более десяти лет, на глазах у сына и всех родственников. Его посадили, но до суда он не дотянул, повесился в камере. Здесь все с поломанной судьбой, с душевными болями и незаживающими ранами, поэтому город угрюм и покоен. Здесь нет отъявленных убийц и мучителей, нет патологических подлецов и лжецов. Здесь глубоко раненные люди, которые оступились однажды.

Багров продолжал:

– Есть вещи, совершив которые, уже не будет возврата. Их нельзя принимать как должное, их нельзя простить, только искупить. Убив единожды, ты не будешь прежним. Это и есть точка невозврата. Но хуже издеваться, оставляя жизнь теплиться в истерзанном теле. Плен, пытки, рабство – то, что делают короли и их палачи. Им никогда не искупить этого – даже если оно прикрыто благими целями, верой и даже любовью. Это неискупаемо. А если на руках сотни жизней – это путь туда, откуда не возвращаются. Они продали души, и только единицы смогли сохранить хоть что-то человеческое.

Я не дам тебе сделать неверный выбор. Тебе туда нельзя.

– Подожди, а как же маньяки, безумные убийцы, которые делают это ради удовольствия? – спросила я.

– Не могу сказать точно. Но, наверное, это те люди, «нелюди», которые преступили черту. Не справились со своим желанием, одержимостью, злобой, обидой, болью, одиночеством. А те, у которых совсем не осталось рассудка – они как собиратели душ, жнецы. У них тоже не будет возврата. Они продали свой возврат и себя не тому. Но я таких ещё не встречал. В город Ив такие не попадали никогда. У них нет здесь остановки. Хотя...

Я прервала его, выпалив:

– А почему нет детей? Ни одного?

– Дети безгрешные. Для них другой город. Город Солнца.

– А почему мы все так ужасно выглядим?

– Потому что душа никак не покинет бренное тело, цепляется за него. Поэтому все и тащат сюда свои земные разлагающиеся оболочки.

– Все, кроме тебя? Да?

– Я отпустил. И отказался от дара видеть.

– Зачем? – не унималась я.

– Так нужно. Страж в городе Ив должен быть слепым, не видеть всю удрученность этого места. Здешние виды для вас – чтобы раскаялись и смирились. Я здесь, как пёс, лишь встречаю и провожаю. Я чувствую только запах. Вынюхиваю ваши воспоминания. Знаешь, самые яркие из них связаны

с ароматами, люди никак не могут с ними расстаться. А я так всё узнаю о вас, о самом сокровенном. О том, как пахло из пекарни по соседству с магазинчиком, где за стеклянной витриной стояла заветная игрушка. Об аромате белых хризантем, что подарил ей возлюбленный, потратив на них последние деньги. Или о запахе свежего постельного белья, которое застелила мама перед сном и вот–вот придёт рассказывать сказку на ночь.

Он сбился и ранено произнёс:

– А ещё здесь всё непременно пахнет кровью. Терпкой, липкой кровью и болью, отчаянием и отчуждением.

Я молчала, потом робко произнесла:

– А я потом куда?

– Я стараюсь изо всех сил, чтобы туда, куда надо, – мягко ответил Багров.

– А куда надо? Я не хочу без тебя. Ты здесь единственный, кто у меня есть. И я не готова прощаться. Я никуда не хочу. Я хочу здесь с тобой.

– Гнить?

– Быть.

– Это невозможно.

– Всегда можно что–то придумать? Всегда есть выбор? Верно?

– Нет, я уже говорил, – отрезал он.

– Не верю. Он есть всегда.

– Его никогда не было.

– У тебя нет, у меня – да!

Я развернулась и побежала к дому. Багров медленно следовал за мной. Проскочила внутрь и закрылась изнутри на засов. Он настойчиво постучал.

– Сегодня нет. Сегодня у тебя нет выбора, как и всегда. А у меня есть, – выкрикнула я.

– Хорошо, спокойной ночи, – пожелал мне вымученно Багров из–за двери.

Страж сидел всю ночь на моем крыльце, я чувствовала, но не вышла. С утра, когда рассвет начал забиваться в щели ставен, его снаружи уже не оказалось. Он заступил на пост. Багров весь день стоял в карауле, потому что сюда прибывали только, когда светло. В мир, где ничего не происходит: ни плохого, ни хорошего. А ночью здесь главенствовал кто–то другой, дыша холодным ужасом, загоняя всех под замок и забивая каждого в свой угол. Кто-то, имевший силу вершить судьбы.

В голове была вата, будто перемешали мозги и превратили их в сплошную кашу. Ты делаешь какие-то действия фантомно, на автомате. Но сейчас, поняв, что застряла в чистилище, многое стало ясно. Люди тащат сюда свои умершие тела, старые занятия, делают всё по привычке. Цепляются за последние ниточки из прошлой жизни, стремятся помнить о том, что давно пора забыть. Я всегда видела их такими, как есть. Всегда знала, что это проклятый город и что его жители уже не жильцы. Но почему-то туман в голове просто застав-

лял бояться, ждать и ничего не менять.

Следующей ночью Багров тихо постучал в дверь. Я была безумно рада и впустила его без лишних вопросов. Быть одной в этих мрачных стенах казалось теперь пыткой.

– Прости, я вчера вела себя глупо, – виновато произнесла я.

– Ничего.

Он прошёл в дом, но не находил себе места. Молча ходил из стороны в сторону. Затем лицо Багрова стало каменным и наполнилось неистовой болью:

– Давай выйдем на улицу, мне нечем дышать.

– Хорошо.

– А ты знаешь, почему моя фамилия Багров? Знаешь почему?! Потому что я не только отчима, не только его... я ещё и маму. Я не хотел, не хотел! – он отвернулся, и его голос дрожал – Я вышел из колонии, не мог сказать тебе раньше... не мог. Вернувшись из колонии, я первым делом отправился к маме, единственному родному человеку на всём свете. А она кричала, кричала, что я сломал ей жизнь, что мог бы потерпеть! Она толкала, толкала и кричала! Меня наполняла горечь и обида до краёв. Я ради неё... а она не хотела меня даже видеть. Сознание как будто помутилось, это был не я, не я… Взял её за плечи и тряс, тряс, она что-то опять кричала. А я не разбирал ни слова. Мама вновь бросилась на меня, и я толкнул в ответ. Она упала об угол и всё...

Было и страшно после услышанного, и жалко его. Эту

женщину и матерью-то язык не поворачивался назвать. Багров стоял на крыльце спиной ко мне. Я подошла сзади и положила руку ему на плечо, он позволил.

– Ты не виноват. Нет. Это случайность.

Страж обернулся и крепко обнял меня.

– Ты просто был надломленным мальчишкой. Ты не виноват. Тебя ломали с самого детства: отчим, колония, мать. И ты сломался…

– А ты лишь свободолюбива, хотела попробовать всё и сразу. Ты тоже не виновата. У твоего отца была наследственность и нервная работа.

Крупные капли дождя падали на наши лица и смешивались со слезами, текли струйками по щекам. Здесь всегда шёл только чёрный дождь, чёрный, как нефть. Багров прижался ко мне лицом и дышал холодным паром.

– Я же уродлива? – отстранившись, тихо сказала я.

– Я же слеп. – Багров вымученно улыбнулся и ещё крепче прижал меня к себе.

Мокрые, поломанные среди смрада и обид, давящих стен и низкого неба, мы стояли возле моего дома. Страж смотрел мне прямо в измождённое лицо, и туман его слепых глаз словно заполнял меня всю. Мы долго не произносили ни слова, пока я не прервала молчание:

– Ты был хорошим человеком, а застрял здесь. Я хочу скрасить твою вечность. Я хочу остаться с тобой.

– Я тебе не позволю.

– Попробуй. Ты говоришь, что я никогда никого не слушалась. Вот и попробуй заставь. Пока будет возможность держаться за этот мир – я буду. Зубами вгрызаться, но не отпускать… тебя.

– Ты даже не знаешь меня. Ты даже не знаешь, кто я! Возможно, всё, что я рассказал тебе, это ложь. А ты уже готова потратить вечность. Ты сумасшедшая?

– Да, да, да! За время этого забвенья – ты единственное прекрасное, что случилось со мной. Я остаюсь.

– Посмотрим.

– Буду жить с тобой в тумане и паутине. Я не хочу без тебя. Или ты сам не хочешь?

– Я хочу, но это невозможно. Законы бытия не ломаются!

Багров спустился по лесенке, подал руку и неожиданно предложил: «Потанцуем». Я покорно протянула свою. Он прильнул ко мне и медленно начал кружить.

– Что для тебя любовь? – тихо спросил страж.

– Любовь? Странное слово. Для меня нет понятия «любовь», как такового. Есть страсть, одержимость, собственничество, привязанность, благодарность, привычка. Но любви нет, – зачем-то испортила я момент.

Ты описала все стадии любви от её рождения до угасания. Вот это всё и есть любовь.

– Не верю, – отмахнулась я, – Но очень благодарна тебе за то, что ты рядом.

– Ты уже перешла к предпоследней стадии любви, – вяло

улыбнулся он и молча повёл в танце.

Любовь за гранью, любовь в гниющем мире, любовь без любви. Привязанность и благодарность – вот что чувствуют собаки. А может, это как раз и есть истинная любовь.

Лимбо. Лимбо – это мир где–то между жизнью и смертью. А ещё лимбо – это танец. Это наш танец отчаяния. Танец где–то в районе Лимбо, в городе Ив, на площади Возрождения.

Багров жадно втянул воздух ноздрями. Подёрнутый дымкой взгляд блуждал в неведении. Запахло сероводородом сильнее, чем обычно, а тучи стали сгущаться, будто на быстрой перемотке. Все внутри сжалось. Чёрный дождь полил стеной.

– Что это? – в недоумении спросила я.

– Не знаю. Что-то новое, неизведанное, нехорошее. Так пахнет предательство и азарт, помешательство и алчность, смерть и боль. И это всё в одном.

Он закрыл нос руками:

– Слишком громко! Мне тяжело дышать. Беги в дом, запрись и никого не впускай. Ночью к нам ещё не было гостей. А я пойду всё проверю.

ГЛАВА 5

Багров вновь не пришёл, а на утро по пути в книжную лавку мне повстречался парень. Я раньше никогда не видела его здесь. Он был молод и чертовски красив. Чёрные волосы спускались ниже плеч, в глазах горел дьявольский огонёк, откровенные губы, а нос – ровный, как на греческом профиле. Сухой, жилистый, белая рубашка расстёгнута на несколько пуговиц и небрежно заправлена в кожаные брюки. Никакой паутины, дряхлеющего тела, зловонных запахов. Полный энергии и сил, он будто ударом молнии озарил умирающий город. Кто он? И зачем здесь? Не похож на покойника и уж тем более на ожидающего. Что-то до боли знакомое промелькнуло то ли в его взгляде, то ли в ухмылке. Но нет, не отдалось в моей памяти ничем.

– Привет, куда спешишь? – приятным голосом спросил он.

– На работу в книжную лавку.

– Интересно, а для меня там найдётся что-нибудь? Покажешь свои богатства?

– Конечно, пойдёмте, – как-то неуклюже ответила я.

– Если что, называй меня Чёрный, – усмехнулся он, – Так меня все зовут.

– Пустова.

– Это отлично, пустоту всегда можно чем-нибудь запол-

нить, – его низкому бархатному голосу невозможно было сопротивляться.

Я пыталась отряхнуться от него, как от морока, но ничего не выходило. Он лип и лип ко мне, ласкал уши. Вроде бы я слышала его где-то. Мы прошли почти через весь город, и тот казался уже не таким унылым. Будто и дома повеселели и раскрыли ставни, и крыши перестали заунывно стонать, да и дождь сегодня не шёл. От Чёрного разило расслабленностью и непринуждённостью. Бодр, улыбчив, довольно очарователен. Очень странный гость для этих мест. Дошла не спеша с ним до лавки и открыла двери, изнутри пахнуло пылью и паутиной.

– Уф, как ты здесь работаешь, жуть, – и он громко чихнул.

– Здесь так всегда, как ни убирайся, к утру пауки сплетут паутину заново.

– Ну, так себе местечко. Не для такой девушки, как ты.

В голове бегали мысли, будто там волчок запустили. А он разве не видит, насколько я уродлива? Что хочет от меня? И где Багров? Почему его нет на посту?

– Эй, о чём задумалась? – Чёрный широко улыбнулся, оголяя белоснежные зубы.

– Проходите, книга для вас непременно найдётся. Что интересует?

– Посмотри на меня. Как думаешь, что меня может интересовать? – его глаза наполнились блеском до самых краёв.

Он знал себе цену, замер, давая получше рассмотреть.

Слишком безупречный для города Ив.

– Мммм… – протянула я, – Наверное, приключения, современные открытия, жаркая любовь и…

– О, да ты всё обо мне знаешь. Такая проницательная. Хочешь, угадаю, что читаешь ты? Вот эту, и вот эту, ты читаешь здесь все. Но самые любимые – это сказки. Веришь в чудо? Хочешь, я покажу тебе чудо наяву?

Чёрный продолжал увлеченно и неистово:

– Я могу показать тебе свободу истинную. Я только прибыл, но уже набрёл на красивые места. Спорим, ты их ни разу не видела?

– Здесь нет прекрасных мест. Всё тлен, мрак и холод.

– Пойдём со мной, – мягко глядя на меня, загадочно произнёс он.

– Кто ты? – недоумевая, спросила я. – Все, кого я здесь вижу, сломлены и подавлены, но не ты.

– Я гость. Немного заблудился, но непременно найду свою дорогу. Могу взять тебя с собой. Хочешь?

– Почему я?

– У тебя желание не смиряться на лице. Остальные потеряны. Так пойдёшь со мной? Тебе нечего терять, – его голос звучал как гипноз, завораживающий чистой энергией.

– Как-нибудь потом. Возьми, пожалуйста, книгу Жюля Верна «Таинственный остров», как дочитаешь, приходи за новой, – и я буквально вытолкнула его за дверь.

Неужели он не видит, какая я? Или ему всё равно? Что

это за место он нашел здесь? Меня разжигал интерес, томил, хотелось догнать его и узнать. Но сначала мне нужно было узнать, где Багров.

Кое-как пережив очередную холодную ночь, одной теперь хотелось выть, я выбежала из дома раньше обычного. Прошла весь город вдоль и поперёк, Багрова нигде не было. Чёрт, я даже не знала, где он живёт. Как так вышло, что тот дал мне призрачную надежду, и тут же разбил её на куски? Да лучше б вообще никогда не приходил. Зачем были эти разговоры? Эти вечера при свечах? Страж называется. Я дико злилась, и обида топила сердце липкой волной. Оно будто вязло, замедлялось и останавливалось. Возможно, уже остановилось.

Подойдя к лавке, я встала как вкопанная. Чёрный сидел на пороге и дочитывал последние страницы книги. Или демонстративно долистывал.

– Привет, как спалось? Я всю ночь читал. Ты права – очень интересная книга. Подберешь другую? Или прогуляемся?

– А где ты живёшь? – робко спросила я.

– Нигде.

– Ты не боишься здесь один?

– Нет. Могу и тебя научить не бояться. Тут нет ничего ужасного. Этот гнетущий страх лишь для контроля ожидающих.

– Ты знаешь, чего мы ждём? – нервно сглотнула я.

– Я знаю, что неизбежность лишь ложь, в которой тебя

пытаются убедить. Он говорит это всем, заставляет бояться и ждать.

– Кто он?

– Твой друг. Он это всем говорит. Ты такая не единственная. Куда он пропал? Не знаешь? Лучше пойдем со мной.

Последние ниточки надежды, что страж придёт, рвались, и я пошла за Чёрным словно в трансе. Солнце ярко светило над мрачными деревьями, озаряя их своим светом. Город был спокоен, он ещё спал сладким сном, посапывая под мягкой белой дымкой. Нет страха, нет отверженности, нет отчаяния. Нас окружал молочный туман, нежно обнимая со всех сторон. Лучи солнца постепенно начинали иссушать его. Ивы, кажется, оживали, а веточки были покрыты мелкими жёлтыми пушками. Они цвели. Больше не пахло гнилью и плесенью. Пахло утром, свежестью, прохладой и пыльцой. И я почему-то верила ему, шла за ним, как будто знала его всегда. Мы уходили за город в противоположную сторону от реки. Здесь я ни разу не бывала. Впереди до самого горизонта расстилалось огромное поле, наполненное луговыми травами и цветами. Стоял аромат полной и безграничной свободы.

– Когда ты последний раз бегала по утренней росе? – хитро спросил Чёрный.

– Никогда.

– Вот сейчас и попробуем, – он схватил меня за руку, и мы побежали вперед.

Его ладонь была мягкая и тёплая. Давно в этом забытом городе я не ощущала тепла, возможно, даже с щепоткой нежности. Ноги мокрые от росы, путались в густой траве. Свежесть летела в лицо, обдавая детской радостью.

Вдруг он резко остановился.

– Ты знаешь, ты меняешься. Время пошло вспять. Добро пожаловать в свободу! Окунись в неё целиком, дыши ей, хватай ртом, наслаждайся. Нет правил, нет запретов, лишь безграничное счастье! Ты ещё не видела самого главного. Осталось совсем чуть-чуть. Я завтра покажу!

Солнце пробивалось сквозь силуэты ив, и они словно светились изнутри, озаренные его лучами. Так зажигалась надежда в моей душе, что я смогу обрести свободу. И мне не обязательно гнить здесь, в этом мрачном, проклятом городе. Не обязательно ждать своей участи, великого суда и беспрекословно подчиняться чужому выбору. Я могу сама решать, сама выбирать! Могу убежать отсюда! И не надо цепляться за стража, которому я и вовсе не нужна! Но всё же безумно хотелось сказать ему пару ласковых.

ГЛАВА 6

Стук в дверь наполнил комнату. Багров. Наконец-то. Я не сомневалась в этом. Только он стучал настойчиво и одновременно робко, издавая глухой прерывистый звук. Я бы узнала его из тысячи. Распахнув дверь, буквально набросилась на него.

– Я искала тебя! Где ты был?

– Пытался понять, что происходит.

– И что же?

– Пока не знаю. Но тебе надо переждать в безопасном месте. Пойдём, я тебя спрячу.

– Не надо. Я не хочу прятаться. И что происходит в конце концов? Ты можешь объяснить? – злилась я.

– Что-то новое. И я пока не знаю, что мне с этим делать.

Багров больно схватил меня за руку и буквально выдернул на улицу.

– Некогда разговаривать. Да, и сказать мне нечего, – грубо отрезал он.

– Ты не посмеешь! Отпусти! Прошу!

Я не узнавала его. Он сильно сжал мою руку и поволок в сторону заброшенного дома, у которого никогда не открывались ставни. Страж тащил меня ко входу в подвал. Тяжело сбив замок, толкнул внутрь и чем-то подпёр дверь снаружи.

– Ты не оставишь меня здесь! Багров, открой! Отпусти

меня, прошу. Что ты делаешь? Теперь я вижу, кто ты на самом деле! Теперь я знаю, почему твоя собачья кличка Багров! Ты не страж. Ты охотник. Ты губишь души, не спасаешь. Выпусти меня!

– Побудь здесь. Это для твоего же блага, – сухо сказал он.

– Блага? Да ты знаешь, что такое благо? Это совсем не то, что ты здесь делаешь!

Но Багров уже удалялся быстрыми шагами от подвала. Я пыталась открыть дверь, долбилась, стучала, наваливалась на неё, но безуспешно. Она была старая, но крепкая. Солнечный свет пробивался сквозь щели и делил помещение своими лучами на импровизированные части. Низкий потолок давил на затылок. Обернувшись, стала вглядываться в полумрак. И здесь всё покрыто паутиной. Такой густой, как пуховые платки, которыми завесили стены, положили их на скудную мебель и пол. Словно белыми тряпками застелили всё вокруг, так делают в домах, когда кто-то умирает. Ужас продирался в мою глотку. Шуршание пауков, которые непрерывно плели паутину, заполнило весь подвал. Я слышала этот звук и раньше, дома, и в лавке, но здесь он был в сотни раз громче. Забирался мелкими щупальцами в уши, забивался глубоко и лазил внутри. Звук становился невыносимым, доставал до мозга и блуждал там, теряясь в его закоулках. Я шагнула в темноту.

Как же я обманулась. Кто он? Может, сам город Ив? Что здесь вообще происходит? Если это чистилище, то кто

тут всем управляет? Багров? Выходит, всегда кто-то кем-то управляет, кто-то за кого-то решает. Все в его власти, как марионетки у кукловода. И без полного подчинения – суд и приговор. Кто это всё придумал? Он? Они? Группы правящих, группы решающих, группы определяющих. И так ли они сами безгрешны? А все остальные в их власти, полностью зависят от них. Слабы и обречены на подчинение. Неужели этот закон господ и рабов везде работает одинаково? Даже после смерти? Казнить, нельзя помиловать. Похоже, он всё решил. Вынес мне приговор.

Я медленно продвигалась вглубь. Казалось, сейчас увязну здесь, и меня вплетут в этот сырой, затхлый подвал навсегда. Сделав ещё один робкий шаг вперёд, услышала громкий треск под белым слоем паутины. Дрожь пошла мурашками от ног к голове. Что это? Запустила руки в белую субстанцию и наткнулась на что-то холодное и шероховатое. Достала увесистую раму с потрескавшейся краской. В ней блестело зеркало, покрытое тёмными облупившимися пятнами. Я подняла его и опустила глаза.

Плохо видно. Пришлось вернуться к двери, из-за которой сочился свет. А ведь Чёрный был прав. Время пошло вспять. В отражении я видела лицо, покрытое ровной кожей, зелёные глаза и немного пухлые губы. Лицо, нормальное, молодое, моё лицо, кажется. Не то, что я видела в реке. Чёрт, кто из них, кто? Кто Багров? А кто Чёрный? Кто из них друг, а кто враг? Есть ли здесь друзья? Кто теперь я? Фами-

лия-кличка Пустова. Так себе фамилия. Снаружи раздался скрежет. Я сунула зеркало в плотный клок паутины.

– Багров, выпусти. Выпусти, сказала!

– Это я, я. Тише. Дверь медленно открылась, а за ней стоял Чёрный. Я выбежала и бросилась ему на шею. Ты пришёл. Как хорошо, что ты нашёл меня.

– Успокойся, бежим. Всё потом. Я покажу тебе кое-что.

– Иди. Я догоню, – пробубнила я.

И бросилась к тому месту, где спрятала зеркало, но его там не было. Лишь муляж, деревяшка, выточенная в форме того самого зеркала. Привиделось? Может, здесь всё иллюзия? Всё создано моим больным, воспалённым мозгом, неиссякаемой депрессией и тоской. Может, я лежу в психушке и меня пичкают таблетками? А может, я ещё с … ну, с тем парнем, про которого говорил Багров? Я вместе с ним стала употреблять. И это всё галлюцинация, грёбаная наркотическая кома! А может, я из неё не вышла? Ничего не помню, ничего. Голова. Как же больно.

Я выпрямилась и наткнулась прямо на Чёрного.

– Ты зачем вернулся?

– За тобой. Пойдём скорее. Нет времени.

Я уловила в его лице какие-то странные изменения, напряжённое нетерпение что ли. В глазах будто блеснул красный огонек.

ГЛАВА 7

От Чёрного исходила такая бешеная энергия, сносившая с ног. Он держал за руку и смотрел прямо в глаза. И мне хотелось ему верить. Особенно после того, как поступил Багров.

– Почему время пошло вспять? Я видела себя в зеркале.

– Просто так работает свобода! – широко улыбнулся гость.

Но то, что вместо зеркала оказалась деревянная болванка, не выходило из головы.

Чёрный вёл к мосту, которого я раньше никогда не видела. Деревянный, старый, весь обвитый плетистыми розами. Цветы были неестественно крупные, алые и пахли приторно сладко. А гость уже буквально тащил меня, прикладывая немалое усилие. Его волосы трепались на ветру, а силуэт казался отчужденным и напряжённым.

Раздались раскаты грома, будто кто-то бил огромным молотом, наполняя город оглушительным грохотом. Потоки воды низвергались с неба и стекали по лицу, словно струи нефти. Застилали глаза, не давая открыть их. Вот как Багров живёт вслепую. Еле различая очертания перед собой, я стирала потоки дождя, которые вновь заливали лицо. Руки тоже покрыла липкая чёрная жижа, словно это венозная кровь.

Чёрный остановился посередине моста, развернулся ко мне лицом и начал говорить. Я едва различала слова, а ему приходилось кричать всё громче:

– Мы будем путешествовать в междумирье. Мы будем везде и нигде! Мы будем свободны от предрассудков, правил и законов. Мы сами будем решать, что нам делать. Пойдём со мной.

Я стояла на мосту, заросшем алыми цветами. Их запах затуманивал мысли, задурманивал сознание и вёл вперёд. А капли дождя, попадая на розы, окрашивали их в чёрный цвет.

– Давай. Ещё один шаг, и мы свободны. Всего один шаг.

Моя нога зависла в воздухе.

– Я заберу тебя из этого затхлого, прогнившего мира. Давай же. Почему ты медлишь? – орал он.

Переступая невидимую черту, я ощущала её физически и уже почти коснулась той стороны. Как вдруг предчувствие закралось в мою душу, будто что-то сверлило изнутри, не давая сделать шаг.

В этот момент я услышала голос Багрова:

– Стой! Не делай этого!

Но я не желала его слушать. Мне хотелось доверять только Чёрному, хотя в глубине меня билось сомнение. Он сегодня сам не свой. Грубый, дёргающийся, резкий и будто другой. На мост одним прыжком вскочил слепой страж. Смотрел невидящим взглядом, лицо нервно напряжено, а кулаки сжаты. Чёрного искривила гримаса агрессии. Я не видела его таким ещё ни разу. Багров в несколько рывков оказался между нами и с силой отпихнул меня назад.

– Вот видишь, кто он есть на самом деле! – сделав вымученное лицо, крикнул Чёрный.

Страж набросился на него и яростно вцепился в горло. Он был больше и крепче, поэтому навис над гостем, будто скала. Но соперник не сдавался, более юркий и ловкий. Резко ушёл от захвата и напал со спины. Они сцепились в один бесконечный клубок, издавая нечеловеческие звуки. Казалось, что вопит огромный зверь, разрывая мои барабанные перепонки. Крутились в истошном порыве насилия, с переменным успехом ведя в остервенелом танце.

Уличив момент, Чёрный с силой нанёс удар. Багров тяжело перевалился через борт моста и грузно упал на мокрую землю. Гость метнулся ко мне и вновь схватил за руку, выкрикнув:

– Пойдём же скорее! Время на исходе!

Я медлила. Багров уже поднимался на мост. Грязь размазалась по его лицу, волосам, кожаному плащу. Он пылал от ярости. Один тянул меня на середину моста, а второй приближался сзади. Вдруг лицо Чёрного стало меняться, глаза – проваливаться и наполняться красным свечением, очертания искажались и дрожали. В эту секунду я вернула ногу назад и резко вырвалась из крепкой хватки. Когда он попытался схватить меня вновь, с отчаянием оттолкнула его.

– Зачем ты так? Ты бы могла иметь всё! Это был твой последний шанс! Ты сама позвала меня, пойдя к реке. Ты сама усомнилась в неизбежности исхода! Ты сама хотела что-то

поменять! И я мог дать тебе это! Теперь уже поздно, ничего не изменить. Ты сама отказалась от свободы! Сама! – вопил Чёрный.

Я отпрянула и резко остановилась, словно вспышкой увидев остервенелый взгляд и лицо, искажённое злой маской. Тело Чёрного извивалось и плавилось, как от кислоты.

– Это был твой последний шанс! – орал он так громко, что, казалось, я оглохну.

– Да, плевать мне на твои шансы. Ведь всего этого не было! Время не шло вспять. Ты не тот, кем хотел казаться! Ложь и обман! Здесь всё ужасно, и лучше не будет никогда. Не лезь в мой мир! Не лезь в мою голову! Катись к чёрту!

Его дикие животные вопли, сотрясающие мост, становились тише и вскоре совсем замолкли. А силуэт размывался, словно за завесой плотного тумана, и таял. Я отвернулась и подошла к поручню моста. Багров медленно приблизился и встал рядом. Я вглядывалась вдаль, а он лишь делал вид.

– Прости. Я не мог иначе. Как бы я тебя убедил? Пришлось действовать грубо, – хрипло прошептал он.

Я слушала его сквозь потоки воды и едва различала звуки. Они казались далёкими, неважными и терялись в мазутно-чёрных каплях. Не зная, что теперь будет, уставилась на чёрный город Ив, за которым чернел лес. А из чёрного полиэтиленового неба шёл стеной чёрный непроглядный дождь, делая всё вокруг абсолютно чёрным. Чёрная жижа подступала к горлу, будто взяв меня крепкой хваткой, затекала в

рот и глаза. Липкие, вонючие, душащие струи заливались в рот и вытекали через нос. Ощущение было, что кто-то держал меня за лицо ледяными руками. Холод наполнял скулы, губы и пробирал до самых лёгких или того, что от них осталось. Ужас проникал внутрь, наполняя тело, держал крепко, сжимая всё сильнее. Тьма застилала мне глаза. Кажется, я уходила, но видела ещё, что остаётся.

ГЛАВА 8

Багров стоял на мосту, мокрый, в грязи и принюхивался. Пахло тоской, безграничной, всеохватывающей, едкой тоской. Она пронизывала всё вокруг, звенела в ушах, глушила, щекотала ноздри. А ещё пахло гнилью и разложением сегодня так сильно, что невозможно было вдыхать. Как его занесло в этот ненавистный город? Время здесь не шло, оно издевательски стояло безмолвным надзирателем. Надзирателем за надзирателем. Проклятое кольцо, петля ожидания, бесконечность. Пришедшие ожидали исхода, а чего ждал страж? Может, хоть каких-то изменений, проблесков, отсветов былого солнца, которого ему уже не увидеть. Багров обречён застрять тут, встречая и провожая. Он отпустил. Отпустил ради неё. Зачем ей такая жизнь? И не жизнь вовсе, но и не смерть. Карман между жизнью и смертью, где невластно время. А ведь страж совсем недавно здесь, лет тридцать. Может, и у него есть срок, ведь предыдущий ушёл куда-то. Но куда? А может, у них смена караула каждые тридцать или пятьдесят лет? Багров неподвижно стоял, будто бы парализовало каждую его мышцу. Хлесткий ветер мотал слипшиеся волосы по лицу. Что он мог? Да, наверное, что-то. А зачем? Чего бы сам хотел? Уже не важно. Просто принять и затянуть петлю времени потуже на шее. Может, кто-то рано или поздно выбьет табурет из-под его ног. Ночь звала, были

ещё незаконченные дела. Работа – это просто его работа. Он зашагал прочь от моста, который, лишь страж ступил с него на землю, рассыпался в прах. Здесь нет чудесных мест – всё холод, тлен и мрак. И так будет всегда. Или нет?

Это были не ненависть или боль, не отчаяние или одиночество. Это была пустота, всасывающая, как вакуум, делая полым сердце и душу. И разразилась гроза, которой не бывало в городе Ив никогда. Молнии рвались каждую секунду, разбиваясь о каменные стены домов. Ставни трепетали, что казалось, их сорвёт с петель, разметает щепками по старой выщербленной брусчатке. Крыши трещали, пытаясь удержаться на ржавых гвоздях. Чёрная вода текла потоками вдоль домов, омывая пороги. И не осталось ни кусочка, который не трепетал бы перед стихией. Ветер вопил, как раненый зверь, который попал в капкан и знал, что обречён. Гром обрушивал тонны звука на проклятую землю. Багров непоколебимо уходил, зная, что ничего уже нельзя изменить. Всё предрешено.

– Сегодня будет справедливая охота.

Страж шёл, сотрясая землю тяжёлыми шагами. Близилась ночь. И он точно знал, к чьему дому надо идти. Распахнув дверь, вытащил на улицу парня в простой порванной рубахе и штанах, босого. Тот закрывал лицо руками, просил, рыдал, но Багров был непреклонен. Швырнул его на брусчатку возле дома со всей силы. Парень полетел кубарем, сдирая кожу о грубые камни. Дождь безжалостно лил из непроницаемых

туч.

– Либо ты сам пойдешь за город, либо судить буду прямо здесь. Ты знаешь, никто не выйдет из дома, никто не поможет. Дай им спокойно дождаться своей участи, без твоих воплей.

Босой паренёк замотал головой, замычал и начал причитать:

– Умоляю, не надо! Прошу, пощадите. Я ничего такого не сделал!

– Мы сейчас узнаем, как ты оказался здесь. И что ты не сделал. Сегодня всё решится. Время пришло. Иди к реке.

Губы парня задрожали, глаза наполнились ужасом. Он безвольно встал и, опустив голову, поплёлся за город. Сзади неумолимо следовал страж, как конвоир. Паренёк осунулся, опустил плечи и, спотыкаясь, поковылял к своему суду и приговору.

– Стоп, – скомандовал Багров.

Они резко остановились, и ливень прекратился, будто его выключили, нажав на кнопку.

– Развернись.

Тот беспрекословно подчинился, а потом резко рванул в заросли ив.

– Вернись. Хуже будет. Ведь я осужу и за побег.

Но парень бежал, что было мочи. Продирался сквозь длинные ветки, путался в них, спотыкался, поскальзывался. И когда наконец он практически достиг берега, чтобы ныр-

нуть, перед ним из ниоткуда вырос страж. Суровый взгляд пригвоздил беглеца, сделал его будто из камня. Ноги погрузились в зыбучие пески и не давали ступить ни шагу.

– Тебе некуда плыть. Это река смерти. Она показывает всем истинное лицо. Взгляни, – кивнул Багров на тёмную воду.

И песок отпустил парня, позволил сделать один шаг, второй, третий и медленно приблизиться к кромке берега. В отблесках луны на него смотрел живой труп, замотанный в белые полоски паутины, словно больничные бинты. Тот отпрянул.

– Это не я.

– Ты – это уже не ты. Ты труп. Осталось только решить, куда теперь.

– А кто решает?

– Я.

Паренёк умоляюще поднял глаза:

– Прошу, отпустите.

– Ты здесь долго не протянешь. Разложишься через неделю другую. Превратишься в мох, в мицелий, в плесень, в капли дождя. От тебя ничего не останется. Не совершишь переход – и душа не спасётся.

– А что там? – дрожащими губами спросил парень.

– Не знаю. Всё зависит от твоих поступков.

Судья вдохнул шумно и громко. Он вынюхивал грехи, боль и отчаяние.

– Ты пахнешь ревностью дикой, болезненной. Ещё немного её духами с ландышами. Резкий запах, но тебе нравился.

Страж обходил его по кругу и принюхивался, по-псиному, водя ноздрями.

– А ещё маминым борщом со сметаной, сигаретами, одеколоном и... Что это? Дружбой, бывшей дружбой... Ты увидел это и подумал, что он насилует твою девушку? Конечно, она так визжала, не мудрено. И ты...

Багров, сделав полный круг, остановился прямо напротив его лица.

– И ты убил его, да? Схватил вазу со стола и ударил. Чувствую запах тухлой воды, её давно не меняли. Запах угасающих роз. Она не меняла воду у твоих роз. Что она тогда сказала? Чувствую запах лжи. Мерзкой, липкой, жалкой лжи. Она сказала, что он пришёл, будто подождать тебя, а потом набросился на неё. Так?

Парень испуганно кивал.

– А как ты считаешь, какой грех тяжелее – изнасилование или убийство? А я тебе скажу: убийство, но... Ты ведь защищал свою девушку, ты был в состоянии аффекта, если бы не одно, но...

Тот уткнулся в стража взглядом.

– Какое? – прохрипел он.

– Она сама дала. И уже не первый раз. А ещё... это она тебя сдала.

Паренёк рухнул на колени в мокрый песок, тихо опуска-

ясь всё ниже и ниже. И вот уже упёрся лицом, зачерпывая носом и ртом ил от реки. Скрёб пальцами по берегу, оставлял длинные дорожки, в которые тут же заливалась вода. Его тело тихо сотрясалось, он почти молча рыдал.

– Выходит, ты зря убил? Совершил столь тяжкое преступление. И всё зря!

Вдруг парень совсем затих: ни мелких подрагиваний, ни тихих стонов и завываний. Он встал на колени и пополз в сторону Багрова.

– Отпустите. Прошу. Пусть я сгину. Я не хочу туда. Я боюсь.

Но страж не реагировал.

– Умоляю. Мне страшно.

– Нет, ты ответишь за содеянное.

– Я не хочу. Не хочу. Не...

Парень услышал всплеск сзади и резко обернулся. По колено в воде стоял чёрный конь – костлявый, покрыт оводами и похож на скелет, обтянутый кожей. Он пах смертью, но стоял твердо, выпуская гнилостные клубы пара из ноздрей. Его тело покрывали глубокие язвы и гнойники, а по их краешкам блестели опарыши.

– Садись, – грозно сказал Багров.

– Нет. Нет. Я не сяду. Только не туда! – завопил паренёк.

– Ещё как сядешь. Будь мужиком – отвечай за свои грехи!

– А вы, вы так ли безгрешны? Неужели вы никогда не оступались? Скажите!

– Не твоё дело. Я всего лишь выполняю свою работу. Так что садись.

– Нет.

– Не сядешь сам, я посажу.

Парень замахнулся и попытался ударить стража.

– Не стоит. Я чувствую твой страх за версту. Не будь девкой, садись.

Багров схватил того за руку и неестественно вывернул её. Парень согнулся и застонал. Послышался звук ломающихся костей и рвущейся плоти. Осуждённый обмяк.

– Ну, что, сам сядешь или подсадить?

Тот с полными ужаса глазами попятился к реке. Ступил босыми ногами в чёрную воду. Его обдало могильным холодом. Ещё несколько шагов по скользкому илистому дну, и он упёрся спиной в круп коня. Словно почувствовал шевеление внутри плоти, поедающее тело животного заживо. Парень развернулся, рванулся вперёд и увидел, что конь – мёртвый. Глаза затянуты белесой плёнкой, зубы сгнили, а кожа порвана и пестрит ранами. Он посмотрел на Багрова и, подтягивая сломанную руку, влез на коня. Обернулся ещё раз, лицо было перекошено от отчаяния и досады. Несчастного облепляли мотыльки, покрывали тело, руки, ноги, лицо. Колыхались чёрными крыльями, будто пытаясь унести осуждённого.

– Слышишь, страж, ты сдохнешь в муках! Ты за всё ответишь! Тебя покарают! Я вернусь с того света и сам это сде-

лаю! – кричал парень, пока мотыльки не набились ему в рот.

Конь медленно пошёл вдоль берега, рассекая чёрную воду и унося грешную душу. Багров стоял недвижим, он плакал, не издавая ни звука. Слёзы катились по щекам, а те же чёрные мотыльки садились на виски, скулы, губы и пили их, словно нектар. Ни одной слезинки не упало на проклятую землю. Стражу не подобало плакать, и мотыльки знали это. В городе Ив они пили горькие слёзы раскаяния.

ГЛАВА 9

– Дорогая, ты пришла в себя. Как я рада. Дочка, слава Богу. Ты жива! Врачи были уверены, что в этот раз не выкарабкаешься. Он не выжил. А я знала, знала, что ты сильная, – всхлипывала мама, держа меня за руку.

Посмотрев на фото на тумбочке, я вздрогнула. На ней был Чёрный. Со своими иссиня-угольными волосами, поджатыми губами и горящими глазами. На рамке на угол угрюмо шла мрачная лента.

– Нет, нет. На кладбище ты не поедешь. Врач сказал, что тебе нельзя покидать больницу. Ты и так достаточно с ним намучалась, – поймав мой взгляд, умоляюще протянула мама.

И в этот момент с её колен на мою койку выпала старая газета с жёлтыми страницами. На картинке к статье было изображено лицо Багрова, а надпись ниже гласила: «Жестоко расправился с отчимом, а затем и с родной матерью». Я потянула её к себе и стала рассматривать, бегло читая текст.

– Одно враньё! Я точно знаю.

И бросив газету на пол, приподнялась и крепко обняла маму.

– Я больше никуда уйду, обещаю.

Я смотрела на неё и понимала, что не хочу знать правду. Вглядывалась в уставшее лицо, изрезанное морщинами.

Вниз тянулись бороздки от слёз. Тёмные мешки под глазами от бессонницы или горя. Она была такой несчастной маленькой женщиной, которая нежно держала меня за руку. И отпускала лишь, когда её морил сон прямо в палате на крохотном стульчике. Тихо плакала, когда думала, что я сплю. Наливала воду дрожащими руками в прозрачный стакан, подносила к моим губам. Вытирала пролитые капли, кормила с ложечки, хотя я... я могла сама. Но мама утверждала, что после комы не стоит напрягаться. Сейчас я была жива, и она рядом. Мне так не хватало нежности, заботы и ласки. А ещё, пройдя по улицам города Ив наяву или во сне, я уже очень много не хотела знать. Незнание – благо, знание – боль.

Чувствовала мамино тепло, а большего мне и не надо. Она мягко посмотрела на меня и тихонечко спросила:

– Доченька, а что ты помнишь? Ты помнишь, как тебя зовут?

Я замотала головой. В мыслях пронеслось: «Здесь нет имен, здесь безымянная территория».

– Нет, – промямлила я.

– Тебя зовут Аня, – тянула слова мама, словно я была маленьким ребенком, – А ты совсем ничего не помнишь? Папу?

Я мотала головой.

– Больше совсем никого? Никого? Аня?

– А как звали папу?

Мама вздохнула, сделала терпеливое лицо и почти по сло-

гам начала говорить:

– Папу звали Коля. Меня... – она осеклась, пытаясь уловить хоть капельку узнавания в моих глазах, и продолжила вновь, – Меня Света зовут. Анют, неужели не помнишь меня совсем? А ещё кого-нибудь? Хотя нет, не вспоминай. Не вздумай! Так лучше. Хотела бы я оказаться на твоем месте и всё это забыть. Я даже завидую тебе, знаешь? Мы начнём всё сначала, с чистого листа. Понимаешь? Нам не нужны мертвецы в памяти. Мы начнём новую счастливую жизнь. Живые будут жить! У нас крепкая настоящая семья. Ты и я. Я буду любить тебя безоговорочно, только тебя, родная. Теперь, только тебя...

И я была готова начать игру под названием – семья. Да будь она основа хоть на лжи. К чему воспоминания, когда сейчас всё хорошо. А ведь я и вправду не помнила ни маму, ни папу, ни дома, ни прошлой жизни. Лишь последний странный сон про чистилище, про Багрова, про город Ив. А про свою семью совершенно ничего. Но я и не хотела ничего помнить, лишь быть маленькой девочкой, которую так любит мама. Пусть всё остаётся как сейчас. И только так.

– Будешь яблочное пюре? А чай? Я сделала едва тёплый, чтобы ты не обожглась, – в уголках её глаз блестели слезинки.

Они умело прятались в морщинках, а мама горько улыбалась и продолжала держать меня за руку.

– А зачем ты оставила фотку? Ну, ты поняла, про кого я.

– Аня, я просто хотела, чтобы ты поняла, что его нет? Больше нет. Что тебе не к кому возвращаться. Что у тебя есть свой дом. Что у тебя есть я. Я тебя всегда жду. Анечка, просто хотела тебя спасти от него. И теперь всё будет наконец-то хорошо. Он чуть не убил тебя, он брал и брал, губил.

– Да, мам. Всё наконец-то будет хорошо, – я отрешенно уставилась в стену.

Как мне теперь жить? Кто я? Да просто маленькая, беззащитная девочка. И я верю этой женщине, хочу верить! Хорошо бы забыть Багрова и Чёрного навсегда. Может, это мираж, бред, искаженное восприятие? Конечно, так и есть – это не могло быть правдой. Кома, амнезия и вот результат. Замутнённое сознание, которое создало мрачный, мёртвый город Ив. Как здорово, что всего этого не было. Я сжала мамину руку сильнее.

– Спасибо, что ты у меня есть.

Она опустила глаза:

– И что ты у меня осталась.

Мама задремала, а я вертела старую газету в руках. И где она её только откопала? Перечитывала статью и всматривалась в лицо того молодого пацана, с которым так жестоко обошлась судьба. Такие глаза, как бы мне хотелось их увидеть вживую. Хотя о чём я – он уже больше тридцати лет в могиле. В могиле. Эта мысль пришла мне в голову и не уходила. Я хочу к нему съездить. Говорят, мёртвым нужно, чтобы их помнили, посещали. Надо цветы купить, так ведь

положено. Красные гвоздики. Тихонечко встала, прокралась мимо мамы. Мои вещи, постиранные и выглаженные, лежали на стуле. Наверное, мои, судя по размеру. Обычные джинсы, свитер. На спинке висела кожаная куртка, её, видимо, я убила. Вся ободранная, кое-где прожжена. Сойдёт. Залезла к маме в сумку и выудила пару тысяч из кошелька. Потом обязательно верну. Не могу же я без цветов. И курить хотелось безумно. Ботинки я свои не нашла, поэтому напялила мамины уличные. Вылетела из больницы, поймала такси и назвала адрес из газеты. Ехать было нужно за город, не очень далеко. Ещё остановились купить сигареты и цветы.

Кладбище покойно расположилось недалеко от зоны и примыкало к местному посёлку. Оно мирно спало со своими тихими обитателями, укрытое могильными рядами. У каждого своя койка, место и обретённый покой. Но я-то знала, что это всего лишь начало. Здесь гробовая тишина – там придётся за всё отвечать. Рядом с захоронением белели стены церквушки, увенчанной куполом, как золотой шапкой. Вяло били колокола, как-то бессердечно и глухо, будто и не жалко им несчастных усопших. Ушли и ушли. Неприглядный угол отвели для никому не нужных зэков, которых отказались хоронить родственники.

Передо мной примостилась крохотная могилка, заросшая травой. Та упала сухими плетьми на посмертный холмик, словно в мольбе. Никто не приходил сюда. Ни вазочки или даже пластиковой бутылки под цветы, ни лампадки. Лишь

деревянный, грубо сбитый крест и безликая, выцветшая табличка: «Скворцов Андрей Сергеевич. 1973 – 1993 гг». И нескольких дней не протянул во вторую ходку. За мать на зоне разговор короткий. Да какая она, к чёрту, мать вообще. Я сплюнула. И он никакой не Багров. Хорошо хоть газета была, так бы ни в жизни не нашла. На чёрно-белом фото у него такие глаза. Такие глубокие, ведь и не видела их ни разу без слепой пелены. Так жаль…

Я нервно теребила гвоздики, шесть штук, на что хватило, и на пачку сигарет. Отгребла пальцами засохшую траву на могилке, аккуратно положила цветы и прикоснулась к кресту. Показалось, что он тёплый. Молча встала, промозглый ветер хлестал по лицу волосами. Закурила. Эх, а додумалась бы взять лампадку, можно было и зажечь. Здесь погода такая же, как и внизу. Вечная оплакивающая своего стража осень.

– Я ещё приду. Принесу вазу и лампадку, – и я выкинула бычок за оградку.

Сердце забилось сильнее. Запредельно сильно. Всё заволокло серой дымкой. Казалось, сама тьма из города Ив застилала мне глаза, ослепляла. Шум в голове заглушал все звуки. Тело обмякло и стало безвольным, руки и ноги налились свинцом. Что это? Дышать было невозможно, лёгкие отказывались работать. И я начала медленно оседать на землю.

Сквозь навалившуюся пелену метались какие-то фигуры, доносились голоса. А я проваливалась во мрак слой за слоем, слой за слоем... наверх. В какой-то момент стала легче возду-

ха, тоньше света, тише любого звука. Внизу царила людская суета, здесь вверху – безмятежность. Все органы чувств внезапно обострились, или что-то, чем я сейчас воспринимала реальность. Слышала каждый шорох, каждый шепоток, видела работу каждой мышцы на лицах и руках. Напряженные и собранные у медперсонала, сжатые и дёргавшиеся у мамы.

Пищали приборы, моргали лампочки, сердечный ритм на кардиомониторе стремился к нулю. Маму пытались выставить за дверь, но она неумолимо пробивалась сквозь медперсонал. Её снова отводили в коридор. Мама ходила из стороны в сторону, заломив руки и закатив глаза. Потом приходила в себя, вновь врывалась в палату, подбегала к людям в белых халатах, дергала за рукава.

– Спасите мою дочь. Умоляю, спасите. Второй раз я не выдержу. Я больше не могу терять девочек. Не могу... Только не сейчас, когда она наконец вернулась. Я этого не переживу, нет...

Мама бросалась к койке, мешая медперсоналу, и стонала:

– Аня, Анечка, милая, прости. Только не уходи. Это я во всем виновата. Это я не доглядела…

Её снова оттаскивали, выводили. Она кричала, звуки уже не складывались в слова. Это были подвывания, переходящие в поскуливания и всхлипы. И вновь уходила в транс, отдаляясь сознанием. Шаркала вдоль стен, гладила их руками, забивалась в угол, садилась на корточки, качалась и выла. Казалось, пела какую-то заунывную песню, читала молитву.

Звук кардиомонитора превратился в пронзительный, монотонный визг, который застрял на одной расстроенной ноте.

– Время смерти шестнадцать часов четырнадцать минут, – зафиксировал врач.

Мама будто вышла из оцепления, губы шевелились, выпуская сквозь боль слова:

– Всё, всё. У меня больше никого не осталось. Никого... – шептала она, входя в какое-то отчаянное состояние.

К ней подошла молодая медсестра в белом халате, на её лице читалось сострадание:

– Простите, к сожалению...

Душераздирающий вопль наполнил пространство. Он слился со звуком аппаратуры и застрял в воздухе тяжелой взвесью.

– Колите ей успокоительное, колите...

Я видела всё сверху: рыдающую маму, врачей, прекративших суету и смотрящих на моё тело. Слышала, как отключили приборы, они застыли, констатировав смерть. Я лежала на койке без движения. Была там и здесь одновременно. Моё лицо – недвижимо, мое сознание парило. И теперь точно знала, что это не конец. Не бывает конца. За гранью есть грань, а за ней другая. Как далеко мы можем зайти, что увидеть и куда попасть?

Мама обмякла. Моя суть сжалась. Эта женщина точно любила меня. Очень сильно. И ей было больно. Но я уже ничего

не могла поделать. Всё кончено, точнее, всё начато сначала. Тот рубеж остался позади. Говорят, что в одну реку не входят дважды. Я вошла, но третьего раза уже не будет. Маму было очень жаль, но я и сейчас не помнила её совсем, совершенно ничего. Мысли парили в воздухе, как капли тумана. Они набухали, набирали вес, принимали очертания.

ГЛАВА 10

Опять город Ив. Промокший и серый, словно воробей в ноябре. Каменные стены домов встретили меня безразлично. Им было плевать, пришла я или ушла. Ставни хлопали от порывов ветра, дождь стекал по покатым крышам и терялся в трещинах старого кирпича. Тут было так же, как и всегда. Пусто, тускло и сыро. С одной стороны, я не хотела здесь быть, а с другой меня безумно манило это место. Проклятый город Ив вновь затянул в свои сети. Я попалась, как муха в паутину. Неужели меня вернули сюда? Значит, решение ещё не принято, чаши качаются, и неизвестно куда я отправлюсь дальше. Взглянула на себя, всё тоже безликое платье, и пошла по главной площади. Сумерки давили на затылок, прижимали к земле, заставляя опустить голову. На улице практически не было людей, все, видимо, уже попрятались по домам. Мимо пролетел какой-то парень в паутине, совсем молодой. Что он интересно натворил? Прошла грузная женщина, тяжело дыша. Похожа на тётю Таню.

– Доброго вечера.

– И вам, – бросила я и поспешила прочь.

Направилась к своему дому на окраине, но не в старый дом я торопилась. Знала, по дороге стоит страж. Может, что-то изменилось с тех пор? Я замедлила шаг перед постом. А вдруг его уже там нет, и теперь я буду в этом прогнившем

городе совершенно одна? Сердце и мысли замерли, будто их ход увяз в липком тумане. Каждое движение выходило с трудом в этой грязной, мутной массе. Она отбирала человеческое и давала взамен забвение. Но мне хотелось помнить, понимать и ещё увидеть его. Я остановилась и...

С облегчением выдохнула холодный пар, который сразу растворился в серой дымке, стал с ней единым целым. Страж был на месте, он стоял ко мне спиной. В неизменном кожаном плаще, вжавшись в воротник и терпеливо принимая вечный дождь. Я замешкалась, не знала, что сказать.

– Я чувствую тебя, – он обернулся. По лицу текли чёрные струйки дождя, заливаясь за ворот рубахи.

Я стояла как вкопанная. Кажется, мы только виделись, а будто и не виделись целую вечность.

– Привет, – выпалила я, – Что случилось? Почему я здесь? Знаешь, я видела маму. Она совсем не такая, как ты говорил. Она хорошая.

Запнувшись, слова застряли в горле, выдавила:

– Ну, чего ты молчишь? – подошла и убрала мокрые волосы с его лба.

Лицо Багрова было суровым и мягким одновременно. Губы, как и всегда неспособные на улыбку, бездвижны. От них стремились едва заметные горькие морщинки. Ах, как мне всегда хотелось его пожалеть. Искренне. Эта грёбаная судьба не дала ему шанса. Жизнь не дала, даст смерть. Может, я смогу это исправить, хоть как-то сгладить острые углы,

немного унять боль. Возможно, я нужна ему? Как и маме. А к чёрту! О чём я вообще думаю? Что я здесь делаю? В этом дурацком городе, который готов сожрать на обед, приправив прогорклыми специями и заев плесневым хлебом. Страж долго молчал, да и я не произносила больше ни слова. Его лицо не меняло выражение, мне стало страшно. Может, он не помнит меня? Наконец губы медленно раскрылись, издав привычный глухой звук, переходящий в слова:

– Твой дом занят вновь прибывшими. Тебя уже никто здесь не ждал. Никто, кроме меня... Останешься в моём доме.

В голове промелькнуло. Никто не знает, как он проводит эти ночи, а я узнаю.

– Хорошо.

– Твой друг не выжил, – слова были сухими, как солома в жаркий полдень.

– Он не мой друг, – непроизвольно замотала я головой.

– Тсс, не надо. Ошибиться может каждый.

Я решила не продолжать глупый разговор. Это Багров взялся не пойми откуда, а Чёрный был всегда. Кажется. Я сама его выбрала, а страж... А страж он раненный, чужой, мой. Мысли в голове крутились, как качели на полном обороте. Лишь бы не укачало.

– Пройдусь по городу и к закату буду тут.

Но Багров остановил меня.

– Постой.

Замерла, дрожь пронеслась по позвоночнику. Страж притянул к себе, крепко обнял. Сердце его билось порывисто и часто. Страстно поцеловал. Губы были холодными, шершавыми, похожими на влажный камень после дождя. И кажется, мне захотелось остаться здесь навсегда. С ним... Плевать на всё, я уже не жилец. Даже в таком месте, как город Ив, кто-то может найти своё. Кто-то может кому-то помочь.

– Пахнешь больницей и лекарствами, пустыми надеждами и яблочным пюре, – по его губам пробежала лёгкая улыбка.

– Со мной столько всего произошло. Мне так много надо тебе рассказать.

– А ещё ты пахнешь мамой… – он осекся, – Я не готов пока говорить об этом.

Его лицо вновь окаменело.

– Хорошо, – я пожала плечами, – Может, позже.

– Пойдём сразу домой. Сегодня уже, думаю, никто не придёт. Пахнет только тобой.

Пройдя по хмурым улицам города Ив, мы упёрлись в тот самый дом, в котором никогда не открывались ставни. Я бы не вернулась сюда ни за что. Оказывается, это его дом. Страшный, неприветливый, тёмный, что держал меня в плену. Да уже было всё равно. Похоже, если дали немного времени на той стороне – не надо искать ответы. Стоит взять дар и дожить, как сможешь. Хотя здесь не было времени. Его маховик давно запутался в клубах паутины. Бесконечные день–ночь–приход–уход–гниение–раз-

ложение–вонь... Вязкое, зыбкое, липкое течение...

В доме было темно и неуютно, но намного сносней, чем в моей лачуге на окраине города. Горели свечи, как поминальные в церкви. Такие же, как он приносил ко мне. Воск катился по их огаркам, словно слёзы родных об усопших. От пламени всё пространство вздрагивало и немного преломлялось. Простая мебель, как в старых квартирах. Диван, два кресла, стол и стенка. Старая, лакированная – таких сейчас уже не делают. Закрытые, казалось, забитые окна без занавесок. Холод и полумрак. В стенке за стеклом стоял проигрыватель. Багров достал его и поставил на потёртый стол. Игла покатилась по бороздкам пластинки, заиграла музыка. Похоронная.

– Я никогда не включал его, – тихо прошептал он.

– А другой музыки нет?

– Нет!

Я села на самый край кресла, Багров подошёл сзади. Он нащупал моё лицо руками, провёл по щекам и губам. Спустился чуть ниже, не нежно. Нажимал, читая меня пальцами, изучал, пытался увидеть. Обхватил шею, сдавил обеими руками. Из моего горла вырвался стон. Страж немного ослабил хватку, а затем коснулся плеч.

– Разденься. Хочу узнать, какая ты. Не увижу, но почувствую.

Я оторопела...

– Я сам. Можно?

Я молчала.

– Хорошо.

Чёртово платье из какого-то старого потёртого тряпья. Всегда одно и то же невыразительное, серое, мешковатое. Мне и самой давно хотелось снять его и больше никогда не надевать. Но сейчас я сидела и не шевелилась, не произнося ни слова. Кажется, и дыхание остановилось. Багров сильными пальцами дёрнул за широкую лямку, послышался треск ниток, она упала с плеча. Холод и без того колючий вцепился в новую плоть. Но следом жар пробежал по телу, когда его рука коснулась тонкой замерзшей кожи. Рывком он снял вторую лямку и спустил платье по пояс. Озноб или желание забилось дрожью под кожей. Мурашки, казалось, ползали по мне, как насекомые, залазили в самые укромные места. Вожделение подкатило от низа живота к горлу. Багров ощупывал каждый сантиметр тела. Начал с позвонков на шее и спустился по ним до самого копчика. Провёл широкими ладонями снизу вверх и взял за плечи. Завёл пальцы под ключицы, словно пытаясь пролезть под ними. Больно. Я вскрикнула. Он отпустил. И медленно положил руки на грудь. Мужественные и сильные, убившие родную мать. Гнала эти мысли прочь. Не хотела... Нет, я хотела его.

– Встань.

Покорно поднялась. Потянула платье вниз, оно упало на пол и осталось лежать жалким комком. Я перешагнула его и подошла ближе. Багров снял рубашку – грудь была испещре-

на шрамами. Они резали кожу уродливыми полосами. Надрывали, бугрили, рвали её. Сливались в посмертные узоры. Моё сердце сжалось. Провела пальцами по рубцам. Коснулась тела своим, прижалась и обняла. Его пальцы прошлись по моей спине, по ягодицам, вцепились с силой в плоть. Багров обнял в ответ, кости захрустели, и повалил на диван. Беззащитную, нагую, жаждущую. Вёл грубо по коже, крепко схватил за бедра, впился пальцами. Я трепетала, Багров напирал. Отстранился, стянул брюки, навис как скала. Мой вздох оборвался, а он тяжело задышал. Провёл ладонью по внутренней стороне бёдра и вошёл. Ускорился. Ещё и ещё. Желание забивалось в рот, клокотало стоном, билось слюной. Комната перед глазами поплыла, наполнилась дымкой, свечи слились в одно огненное пятно. Я не сдержала вопля, а Багров завыл, как зверь. Мощный напор сменился тихим бездействием. Мы лежали на диване и часто вдыхали.

– Вот тебя как по-настоящему звали там? – рвано дыша, спросила я.

Багров прищурился, будто силясь вспомнить, но всё же медленно выдавил из себя.

– Андрей Скворцов.

– Знаю. Просто хотела, чтобы ты сам представился. Я же в газете прочитала. И потом в интернете нашла, где ты похоронен.

– В чём? – недоумённо переспросил он.

– В интернете. Ой! Ну, эта такая штука, которая обо всех

всё знает.

– А, – протянул он, – как у мёртвых. Здесь уже нет секретов.

– Вроде того.

– Зачем ты на кладбище ко мне пришла?

Я замялась:

– Хотела навестить, наверное…

– Понятно.

– А меня, кстати, Аня Семенихина зовут. Так мама сказала.

Багров растянулся в улыбке, такая редкость. Хотелось её трогать, водить по раскрывшимся губам, прикасаться. Он позволил. Но потом по лицу растеклась горечь. Забралась в уголки губ и в морщинки вокруг слепых глаз. Встав, Багров направился к стене с затёртым ковром, по которому бежал тусклый узор.

– Я в городе Ив лет тридцать приблизительно по моим подсчетам.

Багров откинул ветхий ковёр на стене, покрытой вязью из зарубок. Они тянулись длинными бесконечными рядами, днями, неделями, годами, окуная его в смрад снова и снова.

– Каждый день здесь, – он сглотнул.

– Но ты хотя бы что-то помнишь, а я совсем ничего.

– Я бы хотел забыть.

– Но как можно искупить грехи, не зная о них?

– Смирением, – и он замолчал.

Я не посмела нарушить молчание. Багров был неприступен, холоден и мрачен. Не подпустил, закрылся и не дал мне шанса стать ближе.

ГЛАВА 11

Настало очередное тусклое утро. В доме не было тепла, лишь сквозняк бродил среди стен. Влажность пронизывала комнаты, набухая плесенью и паутиной. Убирать бесполезно – я пробовала, к вечеру они появлялись снова. Ещё более ядовитые и густые.

Багров резко встал и начал одеваться – пост ждал. Он был высоким, крепким. Выше меня, наверное, головы на полторы. Сильное, выносливое тело, широкая спина. Мощные руки, испещрённые венами иссиня-чёрного цвета. Каждый сантиметр его кожи под одеждой покрывали шрамы. Глубокие и мелкие, разной длины и формы. Они извивались, пронизывали и оплетали грудь, предплечья, спину, бедра. Багров не разрешил мне к ним прикасаться. Он не разрешил мне даже спросить.

Один шрам был совсем свежий, широкий с кровоточащими краями. Но на страже всё заживало, как на собаке. А потом раны появлялись вновь, но лишь когда он задерживался ночами. Багров приходил опустошенный, без сил. Долго молчал, не подпуская меня к себе, даже приблизиться не давал. Мне хотелось залечить раны, унять его боль.

– Позволь помочь тебе, – хрипло сказала я.

– Нет. Просто будь, – он устало опустил глаза.

– Просто быть пустым местом?

– Просто быть со мной.

Я потянула руку к ране, он перехватил её больно, сжал до хруста. Я отпрянула.

– Сказал, не трогай!

– Я могу помочь, обработать...

– Чем? Гнилью? Город Ив создан, чтобы терпеть и принимать. Чёрт, а я здесь главный терпила. Не прикасайся. Не надо. Для твоего же блага, – Багров схватил голову обеими руками.

На лице отобразилась гримаса боли, оно смягчилось, губы разжались.

– Извини, я не хотел.

Я насупилась и пробубнила:

– Знаешь, что...

Он подошёл ближе и закрыл мой рот своими губами. Холодные, влажные, как скальный выступ под дождём. Его рука отвела мои волосы назад, пальцы скользнули по щеке. Искали черты лица, едва уловимое дыхание. Пробежали по губам, по шее, ниже. Льдом коснулись груди, прошлись по животу и остановились на бёдрах. Моё тело сжалось от холода, и чёрные мотыльки заполнили низ живота. Щекотали лапками, вызывая немую бурю мурашек.

– Просто будь со мной. Мне надо. Прошу, – он грубо взял меня за плечо, – Пожалуйста.

Я безропотно сдалась под его натиском. Грубый, дикий, никем никогда не любимый. Раз я могу помочь лишь тем,

чтобы быть – я буду, пока не сгнию в этом городе. Хотя и выбора нет. Багров вошёл яростно и жёстко. И мотыльки роем взорвались, рванулись к потолку, когда он завыл. Я растворилась в мельтешении крыльев, лапок, в холодных касаниях и мокрых губах. Когда всё было кончено, он вновь принялся одеваться. Надел чёрные потертые брюки, стал натягивать серую, замызганную рубашку. Она прятала его шрамы, поглощала их, оставляя лишь изрезанные запястья.

– Я провожу, – напяливая безликое платье, рванулась я.

Багров не оттолкнул:

– Хорошо. Просто будь здесь. Прошу, не выходи. Так надо.

Я подошла, чтобы обнять, но не решилась. Смотрела и не знала, как мне быть. Как же найти к нему подход? Растопить его вечный холод, развести эту густую тоску и мрак. Он жил в них, они ели его живьём. И меня он не пускал в свой грустный мир.

Багров зашнуровал тяжёлые ботинки, накинул кожаный плащ, которому, казалось, уже лет сто, и вышел в вечный дождь. Дверь резко закрылась, и громко щёлкнул засов. Моя новая тюрьма захлопнулась.

Поначалу мне хотелось сделать этот дом теплее и уютнее. Я убиралась в каждом уголочке, затянутом паутиной. Снимала её пушистыми комками, оттирала плесень, застилала кровать старым покрывалом. Пахло затхлым и жжёным от горящих свечей. Их было несметное количество в стен-

ке, каждая полка и ящик забиты до отказа. Я зажигала новые и тушила старые, выкидывала огарки, соскребала воск с медных подсвечников. Старалась всё расставлять по местам. Вытирала пыль с проигрывателя, но никогда не включала, не хотела больше слышать похоронную музыку.

Еда нам не требовалась. Да и нечего есть – всё гнило в этом городе. От запаха разложения скручивало кишки и выворачивало. А больше мне абсолютно нечем было заняться. Я с ума сходила от скуки. Пока не поняла – я в склепе. Семейном запаянном склепе.

Сначала покорно ждала Багрова. Расправляла своё убогое платье, заплетала волосы. Не знаю, помогало ли это. Пыталась поддерживать порядок в его лачуге, но всё вновь становилось унылым и прогнившим. И моё сердце тоже. Тоска съедала день за днём, не давая поднять головы. Тускнели и ночи, становились холодными и пустыми. Он стал чужой, далекий. А в этом безвременье было совсем тошно. Хотелось выть. И я выла каждую ночь вместе с ним. Кроме тех ночей, когда мне совсем запрещалось подходить, тогда я тихо скулила, пока Багров спал.

Когда он уходил, дверь намертво закрывалась. Мне не хватало сил сдвинуть засов, а уж оторвать доски тем более. Я оставляла глубокие занозы в ладонях, мозоли на руках от попыток открыть замок. Но он был мёртв, как я. И становилось душно, глотку перехватывало безнадёгой, а слёзы застывали смолой. Что это за вынужденная изоляция, домашний арест?

Чем я так провинилась? Но раз я здесь – значит, так и есть. Я грешница. Проклятая грешница, которая наверху упала на самое дно. И теперь пришло время отвечать. Но своих попыток вырваться я не оставляла. Каждое утро после его ухода искала лазейки, но не находила. Все они были тщетны. Дверь упорно не открывалась – безмолвная, непоколебимая. А я всё пыталась, царапала её ногтями, тянула, прокручивала замок, но он не поддавался. Упертая железяка, беспристрастно хранящая верность своему хозяину.

Кажется, я опять попалась, как мотылёк, летящий на свет. И мне всегда было плевать – от свечи он, зажигалки или неона. Крылья давно обожжены, остался лишь пепел надежд и жалкий осадок мыслей. Неприступная дверь, наглухо забитые гвоздями окна. И тоска, в которую я проваливалась словно в мутную воду. Тонула, задыхалась, выпускала последние пузыри воздуха, и уходила только глубже. Секс становился всё бездыханней, одиночество в четырёх стенах жрало изнутри. Вывертывало грудную клетку, как пустой мешок, сердце почти остановилось, дотикивало своё время. А он ничего не делал. Видимо, ждал, когда я рассыплюсь окончательно. Просто ждал. И я ненавидела его всем мёртвым сердцем.

Дни становились тяжелее, невыносимее. Все окна и двери в доме были заколочены, как в камере, в проклятой клетке. Я билась переломанными крыльями о доски, собирала занозы и вымарывала их своей гниющей кровью. Отсюда не было

выхода. Да и куда птица с перебитыми крыльями может улететь? Некуда лететь, здесь даже падать некуда, даже умереть не получается по-нормальному. Багров уходил на пост рано утром и возвращался затемно. Был спокоен, даже отрешён. Смотрел сквозь меня, мало говорил, челюсти всегда сжаты добела. А я ждала его каждый день и не могла дождаться. Всё изменилось. Он отстранился и ушёл в себя, будто был в чем-то виноват. Но не решался рассказать, молча проводил ночи и уходил вновь.

Я вздрогнула от его голоса:

– Могла бы хоть сымитировать ужин, как делают женщины, встречая своих мужей с работы.

– Ты мне не муж.

Обида затопила меня:

– Что ты хочешь от меня? Каких семейных ужинов? Тебе даже есть не нужно. Я здесь как собака на привязи. Ты запер меня как псину. Ты ждёшь подчинения, тёплых вечеров, чтоб я хвостом виляла?! Я тебе их устрою. Уж, поверь, тебе понравится. Или ты меня выпускаешь. Или я... я...

– Замолчи и иди в комнату. Не хочу видеть тебя такой.

Я осеклась, развернулась и демонстративно удалилась, закрыв штору, что отделяла комнату от кухни. Та была ветхой, на грани распада, и я видела сквозь тонкую ткань, как он ходит из угла в угол. Это ужасно раздражало, до безумия. Его обрывочные фразы, грубые руки, отстранённость, посягательство на мою свободу. Я больше не хотела оставаться

здесь.

За домом был крохотный увядающий садик. Я там торчала дни напролет, глядя в бесконечно-серое небо города Ив, на маленький дождливый квадрат, размазывая чёрные капли по лицу. По краю шёл высокий забор, сколоченный из грубых досок, тянулся ввысь, подпирая полиэтиленовые тучи. Без столбов и перекладин, не за что зацепиться, одни сплошные крепко сбитые деревяшки. И мне в этом городе не за что зацепиться, совсем. Я здесь была, как собака в вольере, и не больше...

А сегодня загребала землю в его угрюмом саду пальцами. Меж них проскальзывали дождевые черви, мерзко копошились в мокрых комьях. Единственная яблоня стояла голая, и на ней висело одно гнилое яблоко. Я и его сорвала. Соскребла ногтями плесень со ствола. Принесла эту мерзость в дом и разложила по тарелкам, а посередине положила то самое яблоко. Яблоко раздора. Я больше не могла задыхаться в этом доме-тюрьме. Я готова была ползти на сломанных крыльях как можно дальше отсюда, чтобы никогда его больше не видеть. Ему дела никакого до меня не было.

Багров вернулся поздно, очень злой. Губы поджаты, кулаки стиснуты.

Я вышла к двери:

– Ваш ужин, сэр, – и склонилась в насмешливом поклоне.

– Что? – вяло переспросил он.

– Ужин, – ехидно улыбнулась я.

Багров прошёл в кухню, вдохнул.

– Зачем ты это сделала?

– А что мне было делать? Я не выхожу из этого чёртова дома. Нам и есть-то не надо? Ужин? Какой ужин? Из чего? Пустые тарелки на стол поставить! Пустые, как и я для тебя.

– Ты просто дура! – его ноздри расширялись.

Жаль, что он этого не видел. Как мерзко в тарелках черви дырявили землю, щедро украшенную плесенью. Как убого лежало посередине стола наполовину сгнившее яблоко. Как и я здесь гнила.

– Я тебя сейчас заставлю всё это сожрать! Как же я жалею, что вернул тебя...

Он подошёл к столу и упёрся в него руками. Мне стало страшно. Резко схватил тарелку и со всего размаху разбил её об пол. За ней полетела вторая. Земля катилась комочками по полу, а черви беспомощно извивались на деревянных досках.

– Уберёшь здесь всё!

В какую-то секунду я хотела подчиниться, смиренно проглотить. Но в висках заскрипели его слова: «вернул тебя, вернул…» Они долбились внутри, разбиваясь о черепную коробку. «Вернул тебя, вернул...» В глазах помутнело, из горла вырвался всхлип:

– Что? Что ты сделал? Повтори! – орала я! – Конечно, ведь всё же было хорошо. Я шла на поправку. С мамой наконец-то наладила отношения. Что ты молчишь? Не молчи!

Он опустил лицо, уронив его на ладони, прохрипел тихо:

– Прости.

– Так это ты? Ты убил меня второй раз?! Хорошо, что ты слепой и не можешь посмотреть мне в глаза, сука.

Такого гнева я не испытывала, кажется, никогда.

– Открой свою грёбаную дверь! Слышишь!

– Ты там долго не протянешь. Ты нас обоих погубишь, – его голос звучал глухо.

– Плевать! – во мне плескались злость и обида. Заполняли до краев, изливаясь наружу брызгами ненависти.

Багров открыл дверь и молча стоял в проходе. Я выскочила под безжалостный дождь города Ив. Он плакал вместе со мной. Пустые мокрые улицы мерцали в водяных разводах.

– Ты! Ты чудовище!

Я уходила прочь по грубой, колотой брусчатке, постоянно оборачиваясь. А он так и стоял в дверях, за спиной ещё теплился мягкий свет. Но вот силуэт скрылся из виду, и дом, и открытая дверь. Куда же мне идти? Да, куда угодно. Как можно дальше от него!

ГЛАВА 12

Дождь лил со всей дури, омывая лицо, забираясь под плащ, в ботинки, мерзко чавкал и лез в швы. Волосы липли ко лбу, застилали глаза, забивались в рот. Чёрный дождь стал со мной единым целым. Рыдал как ребёнок, выл волком, стонал как умирающий, хлестал мокрой плетью. Улицы проклятого города остались далеко за спиной, спрятались во мраке, скукожились как игрушечные. Впереди лишь лес: влажный, ветреный, промозглый. В отблесках тусклой луны, что умудрялась пробиться сквозь тяжёлые тучи, я брела к реке. Хотела видеть себя, такой, какая я есть.

Но тропки путались, переплетались, и скоро я совсем заблудилась. Меня со всех сторон окружали горбатые ивы. Дождевая вода текла по веткам, привязывая их мокрыми нитками к земле, заставляла склоняться и скорбеть. Я слышала, как они плачут. Лес становился бесконечным, без начала и конца. Он тянулся ко мне, хотел содрать кожу, выпотрошить и погрести под своими корнями. Дышал, оплакивал пропащую душу. Ветер затянул могильную песню, ломая древесину в такт.

Отчаяние топило сознание, рвало понимание бытия. Лес мерк, чёрное небо падало вниз и готово было проглотить с потрохами. Некуда идти, незачем идти. Кругом только ветки, дождь и ветер, что свистел в ушах. Я села прямо на корни

большой ивы, она обхватила меня, потащила. С трудом рванулась, споткнулась, упала и вывалилась на выеденную осенью и хлёстким ливнем поляну.

Посередине стоял старый дом, от него веяло гробовой тишиной. Даже дождь и ветер здесь замолчали, обратились в ничто. Я поднялась, руки были в грязи, платье вымазалось в глине и промокло до нитки. Обычный деревянный дом, покосившийся, но он имел шик городских зданий в виде больших уличных часов. На них была полночь или полдень, они стояли. А паутина покрыла белой марлей циферблат, висела клочьями на массивных стрелках. Механизм проржавел и остановил ход времени. Да здесь оно никогда и не шло – я знала. Странный дом с заколоченными ставнями в сердце леса. Воздух проникал в лёгкие холодом, бродил внутри словно сквозняк, выдувая последнее тепло. Он пах влажной древесиной и прелой травой. По телу пробежала дрожь. Нужно уйти отсюда, как можно скорее, но я не могла. В этой поглощающей тиши меня словно звало что-то: «Зайди, зайди...»

Крыльцо было покрыто густым мхом. Жёлтый и зелёный он хранил в себе капли дождя, что лежали чёрными бусинами в его мягких ямках. Под ногами хлюпало и прихлебывало. Подняв глаза, я поняла, что дверь не заперта. Тонкая щель света призывно звала войти внутрь. Манила и умиротворяла, как ни странно. Дверь медленно со скрипом открылась, и в лицо пахнуло гнилью и плесенью. Из дальней комнаты сочилось тёплое свечение. Я шла как на верёвочке, оча-

рованная тихим голосом: «Иди же скорее сюда».

В комнате у горящей лампадки сидела женщина в трауре. Чёрное бесформенное платье, мрачный ажурный платок и лицо, изрезанное старческими морщинами. Около губ и глаз в этих складках читалось презрение и брезгливость. Или мне казалось? Так выглядят провожающие на кладбище, которые не очень любили покойного. Откуда она здесь одна в лесу? Неужели ей не страшно?

– Заходи, дочка. Давно тебя жду.

– Зачем? – тихо спросила я.

– Чтобы предупредить. Присядь, дитя.

Я невольно посмотрела на скамью, но не села. Удивительно, но здесь было довольно чисто и уютно, только в этом куске, непонятно откуда взявшегося, света. А женщина в ажурном платке продолжала:

– Бойся его. Беги, как можно дальше. Он ломает тебя, давит. Играет с тобой. Обманывает, не верь ему. Он лжец. Он лишь отбирает, рушит. Он чудовище!

«Ты, ты чудовище» эхом отдалось в моём воспалённом мозгу. И всплыла его одинокая фигура в дверном проёме. «Не смей выходить», «Не прикасайся», «Так надо!». Слова в памяти жалили, как пчёлы, а ранки от укусов наливались болезненным зудом.

– Кто он? Про кого вы говорите?

Я знала ответ, но всё же спросила.

Женщина замешкалась, в эту секунду её будто схватили

изнутри за гланды, вывернули. Она выплюнула протяжный стон.

– Беги от него, детка! Беги!

Вопль оборвался глухим хрипом. И в этот миг всё вокруг заволокло пылью и паутиной. Стало невыносимо дышать, а на глаза опустилась кромешная тьма.

– Чёрт побери, что здесь происходит? Где вы?

В ответ – лишь мёртвая тишина. Холод и мрак окутали мою плоть, но со временем глаза стали привыкать к темноте. Здесь оказалось совершенно пусто. Куда делась эта женщина в трауре? Кто она такая? Я металась по комнате, но в ней больше не было дверей. Ни стола, ни скамьи, на которой она сидела, ни заколоченных окон. Меня замуровали во тьме и паутине. Вязла в ней, как в путах, и не могла выбраться, застряла в ловушке. Она обвивала руки, сковывала ноги, тащила к полу лохматыми верёвками, не отпускала. Я упиралась руками в деревянные полы, пыталась подняться, но бесполезно. Рвала пальцами белые сети, но те держали крепко.

Наконец удалось сорвать мягкие кандалы и встать. Я быстро перебирала ногами, чтобы вновь не влипнуть в эту живую субстанцию. Обходила комнату снова и снова, но выхода не было. Чуть левее, чуть правее. Чёрная пустота проглотила меня без остатка. Я билась, как мотылёк в банке, которую закупорили. Но вот силы во мне начали таять, растворяться, как туман на рассвете. Они кончились, я прекратила сопротивление, села на пол и стала раскачиваться из сторо-

ны в сторону.

Пауки приняли меня за добычу и со страшным стрёкотом бросились плести вокруг свою плотную ткань. Захотели оставить здесь, как вещь, как предмет интерьера, как мусор. Оставить навсегда. Когда я высохну под слоем паутины, стану для них новым чучелом в доме у матёрого охотника. Чувствовала кожей, как они плетут, слышала и словно засыпала. Сознание утихало, осмысленность терялась. Я так и останусь здесь, пока не превращусь в обтянутый скелет. Рано или поздно – это неизбежно. И вдруг голос в моей голове зашептал где-то далеко и едва слышно: «Беги». Я рванулась вперёд из последних сил, не зная, смогу ли вырваться из белых оков.

И в этот момент дом выплюнул меня в угрюмый, серый лес. Буквально выкатившись наружу, резко встала и, поскальзываясь на мокрой траве, побежала. Всё бесконечно мельтешило, кружилось. Мне, казалось, даже не понимала, где верх, а где низ. Но я бежала, бежала, пока впереди не замаячил просвет. И там вдалеке виднелись какие-то странные неподвижные фигуры. Остановилась, отдышалась с присвистом и медленно направилась в их сторону. А страх спрятался подальше, забился в угол. Кто это? Может, они мне помогут? А если нет?

Ноги заплетались, пальцы немели. Процесс разложения пустил свои корни в моей мёртвой плоти. На кистях расцвели гниющие полосы. Здесь он пошёл намного быстрее, чем в доме стража. Что-то сдерживало его там. А тут запустило

с новой силой, превращая меня в живой труп, который скоро развалится на куски. Прикоснулась к лицу, оно начало затягиваться паутиной. Паучьи лапки потрудились на славу. Я срывала белые ошмётки, царапала кожу и понимала, что уже поздно. Теперь точно умерла. Окончательно и бесповоротно. А во всём виноват он. Только он. Самовлюблённый тиран. Устанавливает здесь свои правила. Ненавижу. Ну, ничего, скоро придёт конец. И я обернусь падшей травой и листвой, укрою больную, страдающую землю и затихну навсегда. Растворюсь в густых молочных туманах, разнесусь частицами по дерзкому ветру, стану воздухом и тенью города Ив. Но сначала надо попробовать спросить. Спросить дорогу на тот свет.

ГЛАВА 13

За кривыми ветвями расположился заброшенный сад. Деревья, кусты, клумбы – всё обтянуто той же вязкой, густой паутиной. В этом тёмном мире они казались белёсыми пятнами. Откуда здесь сад? Словно когда-то он был разбит при городе, а потом брошен, забыт и остался под серыми тучами умирать в одиночестве. А впереди виднелось ещё что-то. Медленно наступал рассвет, принося сюда чуть больше света. Солнце маячило за плотной завесой, будто блёклый диск, не дающий тепла. Мелкая морось обращалась в грязный, клубящийся туман. Я осторожно шла вперёд, напряжённо вглядываясь в странные фигуры. Нет, это были не люди. Череда фонтанов с античными статуями в центре с прямыми носами и идеальными телами. Они погружались в мутную гладь воды: кто по пояс, кто по грудь, а кто уже захлебывался. Что-то тянуло их вниз, тащило, топило. Лица искажала гримаса боли и страха, а из белых глаз без зрачков катились бурые слёзы. Я приблизилась к одной из фигур и стала вглядываться в каменное лицо, пока та полностью не ушла под воду. Поверхность фонтана расходилась широкими кругами, принимая безупречное тело в свою утробу.

В этот момент белая рука вцепилась в меня и потащила вниз. Холодный камень тонущей статуи крепко держал. Посмертная хватка утопающего. Не было сил сопротивляться,

не было шанса на спасение. Мышцы парализовало, обездвижило, они в миг онемели. Тело стало невыносимо тяжёлым. Неживой голос разлетался по саду и затихал в предрассветной дымке.

– Ты останешься здесь навсегда... здесь... навсегда... – шуршало, будто сухие камни тёрлись друг о друга.

Когда чёрная вода залила глаза, всё превратилось в темноту, стало тишиной и пустотой. Я погружалась ниже и ниже. И остались лишь забвение и покой, окутывающие свободой и безмятежностью. Они звали меня из глубины. Манили, нежно касаясь кончиками пальцев. Мёртвых пальцев, холодных пальцев, каменных пальцев греческих статуй, что обещали вечность. Пока я не приняла участь, не смирилась, не сдалась. Но сильная рука вытащила меня на поверхность, назад в гнилой, вонючий мир.

– Ты? – едва откашлявшись, выдавила я.

– Снова тебя спас.

Ухмылка пробежала по губам Чёрного, но глаза остались отрешёнными, будто он не здесь, а где-то далеко. На меня смотрели почти угольные зрачки. Они пронзали, резали нутро, прожигали. Красивые. Холодные. Когда-то живые. Я была наполовину в воде, невозможно выбраться самой, но крепкая рука держала.

– Мог бы и не спасать. Дай мне уйти. Ты мучил меня там. Хочешь продолжить и здесь? – задыхаясь и всё ещё отплёвываясь, выпалила я.

– А вдруг я нуждаюсь в тебе? Ты там меня держала. Может, и тут удержишь, – небрежно бросил он сквозь улыбочку.

– Отпусти.

– Уверена? – и он ослабил хватку.

Меня потянуло вниз. Я рефлекторно схватилась сильнее. Чёрный не отпускал. Но мне хотелось уйти. Он не давал. И я позволила. Перевалившись через борт, ещё долго лежала на земле. Дышала не требующими воздуха лёгкими. Он стоял поодаль и молчал. Потом подошёл бесшумно и протянул руку. Я дала свою. Поднявшись, отпрянула от него:

– Как ты опять выбрался?

– А я не выбрался.

– Что?

– Я там, ты здесь, – уклончиво ответил он.

– Ты бы меня не вытащил.

– А ты даже и маленькой толики правил этого мира не знаешь, его трещин и дыр.

– А ты, значит, и здесь выкрутился?

Чёрный широко улыбнулся.

– Ты такой был при жизни и после смерти остался! – бросила я, хотя ни черта не помнила, какой он был.

– Оу, потише. Где «спа-си-бо»? – медленно, насколько смог, протянул он.

– Спа-си-бо, – передразнила я, – И что теперь? Я тебе зачем-то нужна? Моё тело, моя душа, мой здравый смысл? Что тебе опять надо?

– Не поверишь, ничего! Ха, да у тебя уже нет ни тела, ни здравого смысла, а скоро не будет и души. Ещё немного здесь побродишь и совсем истлеешь, – и Чёрный глухо закашлял.

Хотелось наговорить ему всяких гадостей, но в его глазах блеснула боль. Я молчала. Боялась, что опять попаду на крючок. Его красивые черты лица немного были повреждены переходом или ещё чем-то, но это не делало его менее привлекательным. А наоборот, даже более мужественным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.